

МУРЛИН МУРЛО

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица:

ОЛЬГА «МУРЛИН МУРЛО»	28 лет
ИННА, её сестра	35 лет
АЛЕКСЕЙ	26 лет
МИХАИЛ	35 лет

Провинциальный городок. Наши дни. Между первым и вторым действием проходит две недели.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1 картина.

В двухкомнатной квартире, где живёт Ольга с матерью, очень много цветов. Горшки с цветами стоят на полу, на подоконниках, на столе, на комод. В маленькой комнатке справа, где недавно поселился квартирант Алексей, в кадучке растёт огромная развесистая пальма. Финиковая. Она занимает почти половину жилой площади. Здесь же вместились кровать, стол, тумбочка, на ней - настольная лампа. На стене - непонятно как попавший сюда портрет Хемингуэя. В большую комнату из коридора ведут сразу две двери. Левая и правая. Все ходят через левую. Правая заколочена. В этой комнате красный диван, жёлтый шифоньер, стол, два стула, трюмо, высокая кровать с шпичками. На ней перина, гора подушек. У кровати маленький коврик с райскими птицами и жёлтыми кистями. Телевизора в комнате нет. Из большой комнаты ведёт дверь на балкон. На нём старые стулья, тумбочки, кровать и другая рухлядь. Ещё в большой комнате - дверь в кладовку, которая переоборудована в третью комнату без окон. В этой комнате стоит узкий топчан. По стенам полочки, на них банки, чашки, альбомы, какие-то камешки, сухие цветы. На двери в комнату - сладкий, как патока, портрет-календарь певца Александра Серова. Кнопками приколот. Везде помидоры. На подоконниках, под кроватью, под диваном, на комод. Лежат, краснеют. На кухне стол, газовая плита, стулья, кухонный шкаф с посудой. Огромные кучи банок, коробок, свёртков, мешков. Полный завал. Как на вокзале. На гвоздях сушится трава. Гирлянда красного перца повешена через всю кухню, под потолком. Во всех комнатах домотканые половики на полу. Поздний вечер, около одиннадцати. Ольга сидит на стуле, тупо смотрит в пол. Михаил развалился на диване. Он в майке, тренировочных брюках.

МОЛЧАНИЕ.

МИХАИЛ. А про катастрофу этот ваш квартирант ничего не говорил, нет? Ну, у них там, в столицах побольше нашего знают, а? Не говорил, нет?

ОЛЬГА. Нет, не говорил. В больнице сегодня, в больнице в очереди сказали, что Банга говорила: скоро моря выйдут из океанов и всех нас затопят...

МИХАИЛ. Банга? Какая банга? Радио, что ли?

ОЛЬГА. Бан-га! Бан-га! Банга, говорю! Волшебница такая. За границей она живёт. Понял? Ну вот. Сказала, что или сегодня катастрофа будет, конец света или через две недели. Вот-вот, короче. На днях...

Очень долго молчат. За окном раздаётся оглушительный крик.

Ни Ольга, ни Михаил на крик этот не обращают внимания.

МИХАИЛ. Одни вруны лечатся. Им делать нечего, вот они в больницу и ходят, болтают, что ни попадя. А ты слушаешь. Тоже мне... Враньё всё. Враньё, поняла? Ты веришь, ага? Веришь?

ОЛЬГА. Конечно, верю! Конечно! А как же иначе? Как?! *(Пауза.)* Скорее бы, скорее бы нас всех засыпало, утопило бы, скорее бы!

МИХАИЛ. *(помолчал.)* Ну да. Ну да. Ну да. Дура ты. Такая жизнь хорошая, а ты вон чего... Люди вон как живут - позавидуешь! Живут себе. Стенки покупают, ковры, всё хрусталём уставят - аж глаза радуются. А ты каркаешь. Скорее бы, скорее бы! Дура ты. В сказки веришь, ага? Книжки ты не читаешь, вот что. А я вот - читаю. *(Смеётся.)* Поняла? Вот, кстати, книжкам я должен за всё спасибо сказать... В книжках у всех графов, князей были любовницы. Научили меня книжки! *(потягивается.)* Вот и ты у меня тоже - любовница! *(Хохочет.)*

Ольга молчит.

Ой! Мурлин Мурло! Сними противогаз, слышишь? Нет, ну рассказать кому про мою любовницу - не поверят, засмеют! скажут - с головой не дружу! правда, мягкая ты... Тело у тебя хорошее... Учить тебя надо только многому... Любовницы, знаешь, что в постели делают? Во-от... А ты не хочешь, заставляя приходится. Ну, чего молчишь? О? Ну? *(Пауза.)* Ну, молчи, молчи... Ольга смотрит в пол, не двигается. Ладно, надулась! Ещё зареви давай! *(Пауза.)* Нет, правда, что ли, будет землетрясение? А? Правда? Да врут... Не должно... Никак не должно... *(Снова протягивается.)* Ох, люблю жизнь! Сколько в ней радостей, сколько в ней удовольствия, счастья! Любишь ты жизнь или нет, скажи, а? Любишь, нет, ну, скажи?

ОЛЬГА. Отстань. Иди уже вон домой. Надоел. Надоел! Сидишь тут, болтаешь, собираешь, что попало. Иди давай. Мать скоро с работы придёт, ругаться будет, что свет палим...

МИХАИЛ. Ну придёт, так придёт, ладно. Мне-то что? *(Смеётся.)* Не суетись под клиентом, слышишь, а, Мурлинка?

ОЛЬГА. *(дёрнула плечом.)* Голова болит.

МИХАИЛ. Голова не попа - завяжи и лежи. *(Хохочет.)* Ничего ты не понимаешь. Ни-че-го! Глупая-а-а. Глупая ты. Дура. А тебе говорю, что как всё в жизни устроено хорошо, понимаешь? Поработал - отдохни, выпей, сил наберись, с бабами поиграй. А потом опять работаешь и одно удовольствие вспоминать, как было хорошо и как ещё лучше скоро будет. Бабы! Ох, бабы! Ничего вы в жизни не петрите! Ничего не смыслите в колбасных обрезках! Бабы дуры, бабы дуры, бабы бешеный народ. Как увидят помидоры, сразу лезут в огород! *(Смеётся.)* Не будет никакого землетрясения. Не будет и всё. А знаю. А чувствую.

ОЛЬГА. Скорее бы всё к чёртовой матери рухнуло. Скорее бы, скорее, скорее.

МОЛЧАНИЕ.

МИХАИЛ. А тебе подарю чего-нибудь скоро. Хочешь? Подарю. От Ирки значу и подарю. Купить тебе колготок? Что молчишь? Колготок не хочешь? Ну, надулась. Ладно, ладно. *(Пауза.)* Чего-то мне тебя жалко стало... Ладно, не обижайся. Ну, слышишь? Нет? Не обижайся, сказал...

ОЛЬГА. Миша, слушай.. Слушай, Миша...

МИХАИЛ. А? Чего?

ОЛЬГА. Мишенька...

МИХАИЛ. Да чего?

ОЛЬГА. Мне Бог пальцем грозит, когда приходит. Придёт, сядет в углу, сидит и грозит, грозит... Смотрит на меня так нехорошо, а, Миша? Слышишь, нет?

МИХАИЛ. Ну, опять с ума стала сходить? Не придуривайся! Опять свои мультики начала, ну?

ОЛЬГА. Нет, Мишенька. Дяденька такой с бородой. Толстый-претолстый. Настоящий. Бог. Бог он. Он всё время ко мне приходит. Грозит пальцем и всё. Отстань от меня, Миша, а? Отстань?

МИХАИЛ. Болтает чего-то. Не в настроении, что ли, ага? Запридумляла. Вроде, два месяца довольна была, радовалась, ждала, а теперь - надулась, завидумляла? А что-то не всасываю, чего ты, а?

ОЛЬГА. Миша, я тебе вообще говорю, вообще. Отстань от меня, а? Давай, лучше разбежимся по-добру, по-здорову. Добром ведь это дело не кончится. Мне с Иркочкой твоей стыдно встречаться. А она у тебя беременная. Стыдно, жалко её. И чего мы с тобой такое придумали? Любви ведь нету. Ирочку ты не бросишь. У тебя к тому же двое детей. Зачем вот? От скуки всё. Не надо больше. Уходи давай. Больше чтоб не появлялся. Хватит! У нас вон квартирант вчера приехал. Новый. Перед ним неудобно мне. Молодой специалист, только что отучился, из Ленинграда приехал, работать будет. Понимаешь меня, нет? Всё, Миша. Уходи и не приходи больше, ладно? Больше я тебе двери не открою. Всё. Уходи.

Снова крик за окном. Ольга и Михаил не обращают на него внимания.

МИХАИЛ. Квартира-ант? А чего тебе этот квартирант? Чего ты его приплела? Тебе-то он с какой стати? Мать на нём деньги зарабатывает, ну и пусть, тебе-то чего? Пусть сидит в своей комнате... Чмошник какой-то, белый, в очках...

ОЛЬГА. *(Встала.)* Хватит, сказала! Поиграли и ладно! Больше ты ко мне не приходи! Всё. Не трогай меня! А больная, понял? А на уколы хожу, понял? Не трогай меня, понял?

МИХАИЛ. Орать будешь в морге. Орёшь тут мне... А решаю, как делать, я, я, а не ты. Орёшь тут мне... А ведь и прибить могу. И тебя и квартиранта твоего. Ну? Хочешь?

ОЛЬГА. *(кричит.)* Не трогай его! Только тронь его! Не смей!

МИХАИЛ. Ясно, ясно... Ишь, как заверещала... Научил я тебя по мужикам ходить, так, что ли? На квартиранта решила переметнуться, с ним шашни крутить, ага? Научил на свою голову, ага? Синявка ты вокзальная, синявка, синявка...

ОЛЬГА. *(с кулаками на Михаила.)* Молчать мне тут! Заткнись! Иди отсюда, сказала, иди, иди, понял?!

МИХАИЛ. Поговори, поговори ещё со мной так, покричи-ка тут так, покричи. Ишь, орёт. А ведь про тебя и матери твоей могу сказать, а? Расскажу, расскажу! Скажу, ты вот мантулишь на доченьку на свою, думаешь, что она больная у тебя, ага? Ты вот, скажу, билеты по ночам на сеансах рвёшь, а доченька твоя не больная, не больная, нет! Не больная она! Так с мужиками порется, что аж резиной пахнет, вот так!

ОЛЬГА. Пошёл вон, скотина. Вон, сказала.

МИХАИЛ. Крокодилина какая. Научил её на свою голову, орать стала. *(Идёт к двери.)* Да радоваться должна, что я на тебя, сучку такую, глаз положил! Кому ты ещё нужна? Мурлин Мурло! Да меня, знаешь, сколько баб хочет? Одна другой лучше! Вот так! А я тебя, тебя выбрал! Можно сказать потому, что пожалел, потому, что квартиры рядом, ходить далеко не надо... А она... Двадцать восемь лет, гляжу, а всё мается, пожалел её, взял её, Мурлин Мурло несчастное!

ОЛЬГА. Иди, иди, иди вон отсюда, вон отсюда, вон, вон!

МИХАИЛ. *(у двери.)* Скажу ещё матери твоей, что ты меня сама в постель затащила! *(Ольга выталкивает Михаила, тот сопротивляется.)* Что, не так, скажешь, было, не так, да? Накинулась, чуть не задушила, ну? Не так, да, нет?? Не так?

ОЛЬГА. *(держит дверь.)* А я вот... я вот... Ирочку твоей скажу! Понял? Скажу, скажу!

МИХАИЛ. *(держит дверь.)* Скажи только... Скажи только, сучка! Ирочка в положении, её волновать нельзя! Распрыгалась мне тут, вошь, блоха, сучка! Скажи, скажи! Падла! Попробуй только!

ОЛЬГА. Попробую! Попробую!

МИХАИЛ. Смотри, падла ты такая... Смотри... Завтра приду опять... Устрою тебе наединенцию. Не открой только. Только попробуй не открой. А тебе двери дёгтем намажу.

Ольга захлопнула дверь. Прислонилась к ней спиной. Тяжело дышит. Постояла. Пошла к себе в комнату. Вытерла слёзы. Посмотрела в зеркало. Выдавила на носу прыщик. Красит губы. Михаил стоит на лестничной площадке. Закурил. На площадку быстро поднимается Алексей. В руках у него портфель. Алексей - белобрысый, худой парень в очках. Выглядит гораздо моложе своих 26 лет. Несколько неопрятен в одежде. На площадке темно. Алексей сталкивается нос к носу с Михаилом.

МИХАИЛ. (в темноте.) Стой, кто идёт...

АЛЕКСЕЙ. Свои...

МИХАИЛ. Темно, как у негра в заднице..

Нажал кнопку выключателя, включил на площадке свет. Долго в упор рассматривает Алексея.

Здорово. Ты бык, а я корова. Бык останется быком, а корова - с молоком. Гы-гы.

АЛЕКСЕЙ. Добрый вечер.

МИХАИЛ. Ты, что ли, квартирант?

АЛЕКСЕЙ. Наверное. Можно пройти?

МИХАИЛ. Стой. Давай, познакомимся, покурим, побазарим. Соседи, как никак. Ну, как? (Пауза.) Откуда ты? Из Ленинграда. На комбинат, ага? На него. Насовсем? Сбежишь скоро. А в общагу чего не пошёл? Местов нету. Квартиру снимаешь? Денег много. Скоро будет землетрясение, не слыхал?

АЛЕКСЕЙ. Я пойду, пожалуй, а? Устал.

МИХАИЛ. Мы писали, мы писали, наши пальчики устали. Ага? (Смеётся.) А тебе на всякий пожарный скажу: тебе тут не обломится. А вот наломать я - могу. Зачем она тебе? Ты ей - зачем? Понял, нет, меня?

АЛЕКСЕЙ. Нет, не понял? В чём дело?

МИХАИЛ. Не понял. Поймёшь скоро.. Я тебя предупредил... Иди, иди... Иди, четырёхглазый...

Алексей открыл дверь ключом, вошёл в квартиру. Ольга, подслушивавшая у дверей, отпрыгнула в сторону, в глубину коридора. Михаил постоял, покурил, ушёл в свою квартиру. Его дверь напротив.

ОЛЬГА. (Алексею, радостно.) Здрасьте!

АЛЕКСЕЙ. (снимает плащ, переобувается.) Добрый вечер.

ОЛЬГА. Ваши тапочки вот. Зачем вы их с собой привезли, у нас дома много тапочков. А вы его - не слушайте! Ненормальный он. Не все дома у него. Валет он. Валет.

АЛЕКСЕЙ. Кто? У кого?

ОЛЬГА. У этого... который с вами там сейчас на площадке... Ну, на лестнице-то? У него, знаете ли, одна извилина в голове, и та пунктиром...

АЛЕКСЕЙ. Смешно.

ОЛЬГА. А? Не поняла? Не поняла я?

АЛЕКСЕЙ. Смешную фразу вы сказали. Надо будет записать.

Идёт в свою комнату. Ольга следом. Остановилась на пороге. Смотрит, как Алексей снимает пиджак, раскладывает на столе бумаги, доставая их из портфеля.

ОЛЬГА. Я вот яблоки вам поставила. Ешьте. Свежие совсем. Только что с куста. Это бесплатно, мать не знает. Они у нас в саду растут...

АЛЕКСЕЙ. Ну, зачем же вы без спросу... Нет, нет. Я не буду есть. Спасибо вам. Не буду.

ОЛЬГА. Да вы ешьте, ешьте, она не узнает. Я скажу, что это я ела. Ничего страшного, ешьте, не бойтесь!

Алексей что-то пишет на листе бумаги, берёт яблоко, ест.

АЛЕКСЕЙ. «... и та пунктиром.» У вас дача своя есть?

ОЛЬГА. Ой, да какая там дача! Так, огородик такой, маленький. За городом. Это недалеко, совсем рядом. Три яблони с яблоками, огурцы на грядке, помидоры, вишни, перец. У нас тут всё рядом. Маленький городок, сами видели. Говорят, сколько-то тысяч живёт. А по-моему, человек тридцать. Каждый день одни и те же морды видишь. Мало, в смысле, народу у нас тут..

АЛЕКСЕЙ. А комбинат большой... Огромный просто. На нём много людей работает?

ОЛЬГА. На коксохиме? Ага. Много. На него весь город работает. Каждое утро, как тараканы, из щелей вылазят и ползут на комбинат. Как спальный мешок комбината город у нас будто. Я тоже туда должна была пойти. Работать, в смысле. Больше некуда. Но вот - болею.

АЛЕКСЕЙ. Болеете?

ОЛЬГА. Это не заразная болезнь, не заразная! Вы ешьте, ешьте! Ешьте яблоки, не бойтесь. Я их с мылом вымыла. Я больная, ага. Я десять лет уже дома сижу. Школу как закончила, пошла, поработала немножко, неделю где-то и - назад, всё, амба. На коксохиме работала тоже, ага. Тяжело. Не могу я. Ни работать, ни книжки читать не могу, неохота. Ничего неохота. Так бы и спала всю жизнь с утра до ночи! (Улыбнулась, потянулась.) Вот я какая!

АЛЕКСЕЙ. Разве это болезнь?

ОЛЬГА. *(радостно.)* Болезнь! Ещё какая болезнь! Врачи говорят: болезнь! Раз уколы ставят, значит - болезнь. Не хотели ставить, так мать сходила, на них, на врачей наорала, стали тогда лечить. У меня мать такая боевая, вы, наверное, уже заметили, ага? Она на бойком месте работает, ей такой надо быть. Она билеты в кино обрывает. Ей все женщины вокруг завидуют, что у неё такая работа хорошая. Для женщины - самая-пресамая работа в нашем городе. И деньги хорошие, и мешки ворочать не надо. Мать потому и боевая. Ей палец в рот не клади - откусит. Вот попробуйте, попробуйте - откусит!

АЛЕКСЕЙ. *(спрятал руки.)* Да нет, я не буду...

ОЛЬГА. *(смеётся.)* Ой, какой смешной! Я же так, нарочно сказала, пошутила! У меня мать весь город знает, все знают. Она у нас, как артистка какая известная. Она всё знает. Все новости. Вот, говорит, скоро будет катастрофа, нас всех засыпет или мы утонем. Правда, ага?

АЛЕКСЕЙ. Враньё. Неужели вы верите?

ОЛЬГА. Ой, верю, верю! Такая жизнь у нас у всех, должно же это как-то кончиться? Ну вот. Добром не кончится. Нет, не кончится.

АЛЕКСЕЙ. А что? Какая жизнь? Жизнь, как жизнь. По-моему, всё нормально. Даже замечательно. Как у всех. Крохотный городишко, но довольно мил. А? Довольно мил!

ОЛЬГА. Мил? А-а. Ну да. Конечно, мил. Наверное, мил. Правильно: мил. Раз вам нравится - значит так оно и есть. И правда, чего это я, а? *(Смеётся.)* Живём мы хорошо-о, ну. Вон, в парке, статуи стоят...

АЛЕКСЕЙ. Статуи...

ОЛЬГА. Ага. Статуи. Знаете, я вот раньше думала, что это вот кого-то похоронили и статую сделали, золотом покрасили, поставили на том месте, где гроб... Их там много, вы ходите, посмотрите... И с вёслами стоят, и с книжками. Белые есть и золотые. Я думала, что это покойники. Крашенные покойники. А оказалось - просто так, для красоты...

АЛЕКСЕЙ. Обязательно схожу...

ОЛЬГА. Ой, а у нас тут развлечения всякие! Вот к нам завтра в дом культуры приезжают лилипуты с концертом. Я два билета купила, два. Сходим?

АЛЕКСЕЙ. Бр-р-р. Смотреть на уродцев? Не стыдно вам? Благодарю покорно. Ни за что не пойду.

ОЛЬГА. Не поняла я? Я говорю: концерт, интересный очень...

АЛЕКСЕЙ. Вы меня извините, я устал на работе. До поздна сегодня работал. Дела разбирал. Как-никак - такая должность. Людьями командовать непросто. Такое доверие... Нужно оправдать. До сна осталось совсем немного времени. Разрешите - я поработаю?

ОЛЬГА. Поработаете? Дак вы ведь только что с работы пришли.

АЛЕКСЕЙ. Ну, в смысле, я хотел посидеть, почеркать кое-что. У меня сегодня по плану нужно написать четыре странички. Понимаете?

ОЛЬГА. Понимаю! Пишите!

АЛЕКСЕЙ. Мне нужно в одиночестве.

ОЛЬГА. А я вам не помешаю. Посижу вот тут вот и всё. Пишите! *(Села на кровать, болтает ногами.)* Так интересно с вами разговаривать! Неужели вы и вправду знаете, что будет землетрясение?

АЛЕКСЕЙ. Нет, я этого не говорил. Не знаю ничего. Ничего.

ОЛЬГА. А я думаю: если наш квартирант скажет, что будет землетрясение, значит - будет. Потому что я знаю, что вы очень-очень умный. Я это сразу поняла. Значит, будет, ага?

За окном снова крик. Жуткий, дикий. Эхо разнесло его по городу.

АЛЕКСЕЙ. *(вздрыгнул, подошёл к окну, смотрит на тёмную улицу.)* Господи, да что же это такое? Как это вы это терпите? И вчера то же самое было. Ужас, кошмар просто...

ОЛЬГА. Да бросьте вы. Не обращайтесь. У нас такая история - каждый день. Каждую ночь так, всю жизнь. Музыка Чайковского называется. То ли балуются, то ли на самом деле кого режут. Бог его знает.

АЛЕКСЕЙ. Может, в милицию надо сообщить, позвонить? Пусть приедут, разберутся, а?

ОЛЬГА. Ой, да какая тут милиция? У нас тут её и в помине нет. И звонить нам неоткуда. Телефонов-то нету. Да и не надо, правду говоря. Прямо уж, людей беспокоить из-за ерунды. Ишь, милицию! Они ведь на службе, им ведь бандюг ловить надо, зачем же их трогать? *(Смеётся.)* Я так думаю - просто так орут. Развлекаются от скуки.

АЛЕКСЕЙ. *(смотрит в окно.)* Разве можно так кричать от скуки? Будто режут, убивают кого-то...

ОЛЬГА. От скуки и не так можно... От скуки ещё и хуже можно. Можно, да. *(Пауза.)* А вообще-то у нас не скучно. У нас тут очень даже весело. Вам понравится. Кинотеатр есть. Ещё дом культуры. С большими такими колоннами! А ещё мы в детстве видели летающую тарелку! Вот так вот! Да, да, да! Что вы! Так напугались все! Вот тут, над соседним домом! Я, сестра, мать! Видели! Инна, сестра моя, она уже сейчас этого не помнит, и мать не помнит тоже почему-то, а я вот запомнила! Ага, что вы!

АЛЕКСЕЙ. Серьёзно? Тарелку? Видели? Нет, неправда. *(Перекладывает на столе бумаги, что-то пишет.)*

ОЛЬГА. Вы что! Видели! Тарелку! Ага! Белую! Большую-пребольшую! Над домом вон над тем! Я просыпаюсь, время где-то пять утра, уже осень была, мать в одной комбинашке коло окна стоит. Ну, возле то есть. Стоит и ревет белугой: «Ой, батюшки, конец света наступил, ой, батюшки, конец света настал, конец света, конец света!!!»

Алексей посмотрел на Ольгу, наклонился над столом. Ольга встала, подошла, смотрит через плечо в его бумаги.

Мы с Инной смотрим, побежали, а там - тарелка висит. Над домом. Я просыпаюсь, время где-то пять утра, осень, мать кричит, ага. Мы ка-ак побежали... А там - тарелка висит. Вот. *(Пауза.)* Я с тех пор и стала Бога видеть, мультики разные...

АЛЕКСЕЙ. Что-что?

ОЛЬГА. *(радостно смеётся.)* Ой, вы же не знаете! У меня мультики всё время, всю дорогу, ага! *(Быстро.)* Я как в темное место зайду, так мне сразу дядька с бородой является, ага! Сядет, сидит. Сидит и смотрит. Не страшный, нет. И какие-то картинки

потом начинаются, музыка, страны, страны начинаются, книги будто, пальмы такие - красивые-прекрасивые! И главное - дядька этот. Сидит!

АЛЕКСЕЙ. В темноте?

ОЛЬГА. Да. Ага.

АЛЕКСЕЙ. А откуда вы знаете, что это Бог? Может, совсем - нет?

ОЛЬГА. Не знаю. Я его так называю. А вообще-то - просто дядька с бородой и всё...

Большая пауза. Алексей внимательно смотрит на Ольгу.

АЛЕКСЕЙ. Понятно... Понятно... Какая вы странная всё-таки... Надо же... Бог, говорите?

ОЛЬГА. Ага! Бог!

АЛЕКСЕЙ. Интересно. Понятно... Очень вкусные яблоки... *(Кашлянул.)* А вы... вы почему не идёте, не смотрите телевизор? *(Пауза.)* Там, кажется, сегодня детектив?

ОЛЬГА. А у нас телевизора нету. Мать им облучается. Потому и не покупаем. Был у нас раньше - продали. Потому что мать телевизором облучается. Ей на работе сказали, что от телевизора - облучение.

АЛЕКСЕЙ. *(пораженно.)* Как это?!

ОЛЬГА. Не знаю. Мать говорит: спать не могу, телевизор, говорит, меня облучает. Вот мы его и продали.

АЛЕКСЕЙ. Ну, можно было бы ведь на кухню поставить или в другую комнату. Вот сюда, например, а? Вы не пробовали?

ОЛЬГА. Пробовали! Куда там! Всё равно облучает! Мать говорит: сквозь стенки проходит!

АЛЕКСЕЙ. Что проходит?

ОЛЬГА. Не знаю. Облучение, наверное, проходит.

АЛЕКСЕЙ. Сквозь стены?

ОЛЬГА. Ну да. А облучение - это очень плохо. От него все-все болезни. Мать говорит, ей на работе сказали так. Полысеть даже можно, говорит, от облучения.

АЛЕКСЕЙ. От телевизора?

ОЛЬГА. Ну да, от телевизора. Вы разве не знали? Ну вот. А говорите ещё - образованный. Как же вы так не знаете этого? Это все у нас в городе знают. Все облучаются, но всем охота телевизор смотреть и всё. У нас все беды от телевизора, от лучей его. Даже когда он выключенный, от него, знаете ли, такие лучи идут, невидимые глазу и попадают на человека. Да! Вы что! Я, правда, тайком от мамки ходила к Ирке, соседке нашей, смотреть многосерийную телевизионную картину «Рабыня Изаура». Такая хорошая жизненная картина. Я плакала. От начала и до конца. Мне так её было жалко, рабыню-то. Такая, знаете ли, порядочная женщина, культурная. Несчастливая такая. Как я. О-о! Ну да я немножко походила, несильно облучилась, так что ничего...

АЛЕКСЕЙ. Да. Интересно... Очень интересно...

ОЛЬГА. А можно вас спросить?

АЛЕКСЕЙ. Мы на «ты», кажется. Давайте, на «ты». Мы ведь почти ровесники. На «ты», да?

ОЛЬГА. На «ты», да. А можно вас спросить? Пойдёмте ко мне в комнату. В большую, в ту, а? А то тут сейчас вонять стало.

АЛЕКСЕЙ. Да, правда, запашок какой-то есть... *(Удивлённо.)* Это что такое?

ОЛЬГА. А вот у нас в городе такая беда, такое горе. Ветер с птицефабрики дует - пахнет одним. А потом с коксохима начнёт дуть - другим пахнет. А у нас такая квартира, что одни окна на птицефабрику, вот эти, ваши, а другие, в той комнате, на коксохим. На комбинат, то есть. Вот сейчас здесь с птицефабрики пахнуть стало. Пойдёмте туда, а? Мать говорит, что полезно этим воздухом дышать для здоровья, только мне противно очень. Туда, а? У меня там тетрадка есть, альбом...

АЛЕКСЕЙ. Ну, ладно, хорошо, пошли. *(Встал из-за стола.)* Только ненадолго, надеюсь. Может, тут форточку закрыть надо?

ОЛЬГА. Не надо. Этодохлый номер. Сквозь щели пройдёт. Вонять будет ещё сильнее. Само выветрится потом. Пойдёмте.

АЛЕКСЕЙ. Только ненадолго.

ОЛЬГА. Нет, нет! Ненадолго! Мы быстро! Я знаете, что ещё вам хотела сказать...

Выходят в коридор. Ольга пятится спиной вперёд, показывает Алексею дорогу. Входит в большую комнату.

Садитесь... Нет, на диван, ага. Не бойтесь, не замараετε. Тут накидушки есть. Мать сама на мебель накидушки шьёт... Вот я вам хотела ещё сказать про Бога и про мать...

АЛЕКСЕЙ. Что-что?

ОЛЬГА. Нет, вы не то подумали! *(Смеётся.)* Смешной вы! Я вам хотела рассказать, что мне Инна в детстве рассказывала...

Быстро вошла в «тёмную» комнату, взяла с полки альбом, вернулась к Алексею, села на стул, принялась лихорадочно листать альбом. Алексей сидит на диване, осматривается.

АЛЕКСЕЙ. Сколько тут у вас цветочков, горшочков... Море!

ОЛЬГА. Ага. Море! Это я сама сажаю. Кактусики, всякие разные цветы. И мать тоже сажает. Мичуринцы! Мы с ней - мичуринцы! *(Смеётся.)* Ну вот, слушайте, что мне Инна рассказывала. Мать набьёт Инку, набьёт, а она мне плачет и говорит: «Ольга, наша мамка плохая, очень плохая. Старая и плохая. Знаешь, она такая старая, что даже дяденьке Иисусу Христу прибывала гвоздиками на кресте руки...»

АЛЕКСЕЙ. Бред какой-то...

ОЛЬГА. Ага. Говорит: «Вот этот мизинчик она прибывала гвоздиком...»

Взяла Алексея за руку, потрясла за мизинец. Тот испуганно отдернул руку.

А мне мать про Бога рассказывала, молиться меня учила, да так и не научила. А после того, как Инка мне рассказала, думала про мать: «Ну какая же она гадина, так скрывает своё отношение к Богу! Ведь сама же, сама же ему руки прибывала, а сейчас вон как хитрит, вроде как даже молится ему и меня учит молиться...» А сейчас вот вспоминаю, что Инна мне про мать говорила, вспоминаю, как мать без мужика жила вся жизнь, потому что у нас отец давным-давно умер, вспоминаю чего-то, вспоминаю... И мать мне так жалко-жалко становится, не знаю даже почему. *(Смеётся.)* И Инну мне жалко. Несчастливая она. Мужик у нее утонул, детей нету. Она выпивает часто. Больше ей делать нечего. Её ругают все. Мне всех-всех жалко-жалко, знаете. Даже мух не убиваю: вон их сколько у нас летает. Они же живые, правда? Жалко. Все мы несчастные. Иногда думаешь: правда бы, что ли, нас всех засыпало бы или утопило бы всех, как котят. Чтоб не мучались. У меня аж сердце иногда заходится - так мне всех жалко. Богу всё жалуясь, жалуясь. Жалко всех-всех. Не знаете, почему это так, а?

Большая пауза. Алексей сидит на диване, руки сложил на коленях. Улыбается, смотрит на Ольгу.

АЛЕКСЕЙ. Какая вы странная... Удивительная просто...

ОЛЬГА. Правда?

АЛЕКСЕЙ. Никогда я таких людей не встречал... Странная... Интересно. *(Пауза.)* Вы мне страшные истории рассказываете... Страшные-престрашные... То про лилипутов, то про Христа, то про Бога, который приходит и сидит. То вот про тарелки какие-то... Просто, как в детстве бывало: «Стоит чёрный-чёрный дом, в нём живёт чёрный - чёрный человек...»

ОЛЬГА. *(смеётся.)* Ага. А он выходит и говорит: «Отдай моё сердце!»

Душераздирающий крик за окном. Алексей вздрогнул. Помолчали. Засмеялись оба.

ОЛЬГА. Вот. Напишите мне сюда. На память. *(Протянула Алексею альбом.)*

АЛЕКСЕЙ. *(взял альбом, положил на колени, листает его.)* Я не знаю что.

ОЛЬГА. Знаете, знаете! Как не знаете! Вспомните хорошенько!: «Писал не писатель, писал не поэт, писала девушка в двадцать лет!» Это я придумала. Сочинила. Когда мне двадцать лет было. А сейчас - вон уже сколько. Вот эту страничку видите?

АЛЕКСЕЙ. Ну?

ОЛЬГА. Пишите сюда самое главное. Тут сверху что написано?

АЛЕКСЕЙ. *(читает.)* «Открыв секрет, себя погубишь, теперь скажи, кого ты любишь...» «Любишь» с мягким знаком надо писать...

ОЛЬГА. *(смеётся.)* Пишите, пишите! Не бойтесь! Это секретная страница! Я её потом заклюю! А вообще этот альбом ещё никому не показывала! Вы первый! Его читать никто не будет! Ну, пишите?

АЛЕКСЕЙ. *(поправил очки.)* Я никого не люблю.

ОЛЬГА. *(тихо.)* Неправда... Неправда это... Любите... Я по глазам вижу - любите. Сильно любите... У всех глаза пустые-пустые, а у вас - нет... Любите, любите, любите...

АЛЕКСЕЙ. А зачем это у вас в комнате две двери входять сделаны?

ОЛЬГА. А это, мать говорит, сделали, чтоб покойника легче было выносить можно было, чтоб гроб разворачивать...

АЛЕКСЕЙ. А Эта дверь куда? Здесь тоже комната?

Встал, открыл дверь в «тёмную» комнату. Ольга вскочила, показывает.

ОЛЬГА. Ага. Это моя комната. Когда мне ночью мультики приходят, я разговариваю, кричу даже во сне. Дак мать придумала меня сюда поселить. Чтоб не мешала. Тут хорошо. Вон, артисты кругом какие на стенках, видите? А все кина у матери в кинотеатре посмотрела, все до одного, по многу раз даже некоторые. Бесплатно ведь! А здесь свечку иной раз ставлю. Мать ругается, чтоб не спалила дом...

Встали в тёмной комнате друг против друга. Ольга присела на топчан. Смотрит снизу вверх на Алексея.

АЛЕКСЕЙ. Хорошая комнатка. Везёт. Везёт вам. Главное, есть возможность сбежать, спрятаться от всех. Завидую вам.

ОЛЬГА. Ой, не завидуйте мне, не надо! У меня такая жизнь поганая! *(Пауза.)* А мать на квартиру только парней берёт. Хочет меня замуж выдать поскорее. Чтоб мы знакомились с ними, с парнями. *(Смеётся.)* И Инне надо замуж, и мне тоже надо замуж. Ребёночка маленького надо обязательно заиметь. Я так сильно хочу ребёночка! Сильно-сильно! Вот такого! Я бы нянькалась с ним, тетешкалась, купала бы его... Во-от. Кошку мать не разрешает заводить, говорит: вонько от неё... А я бы и кошку нянькала. Во-от... Да только у нас никто не задерживается, все сбегает из нашего города, не нравится им. А я вот думаю: нашёлся бы человек, забрал бы меня отсюда, я бы тому человеку согласна была бы и ноги мыть и всё-всё на свете делать! Детей ему рожать!

АЛЕКСЕЙ. Я пошёл...

ОЛЬГА. Постой, Алёша... погоди... Мне надо... *(На цыпочках быстро пробежала в коридор, дёрнула входную дверь, мгновенно бежит назад.)* Постой, Алёша... Скажи, я страшная, да? Или они всё придумывают? Да? Страшная? Правда? Скажи правду?

Дышит Алексею в лицо. Алексей сел на топчан.

АЛЕКСЕЙ. С чего это ты взяла, что ты страшная. У тебя вон какой духовный мир огромный... *(Пауза.)* Совсем ты даже и не страшная... Нормальная ты... Даже симпатичная... А пойду, всё. Спокойной ночи.

ОЛЬГА. Ну вот, вот, вот! Вот, вот! Ты сказал! Ты сказал! Я знала, что они всё врут, знала, знала!

АЛЕКСЕЙ. Кто? *(Пробует выйти из комнаты, Ольга не пускает его.)*

ОЛЬГА. Мальчишки! Этот вон тоже! Все кричат, что у меня нос, как варёная картошка! Говорят, что я Мурлин Мурло! Дураки придумали кличку! А что это такое, я и сама не знаю! Врут, ага? Алёша? Я ведь совсем не Мурлин Мурло какое-то, я на неё не похожа,

нет? Ты же вот только что сейчас сказал, что у меня этот... как его... очень большой, правда ведь?

АЛЕКСЕЙ. Сказал, да...

ОЛЬГА. Ну вот! Я красивая! Я очень красивая! А они ничего не смыслят! Неправда! Я такая добрая, я всех люблю, всех жалею! Я очень красивая! Я раздевалась, в зеркало на себя смотрела, когда матери дома не было! С лица воду не пить, мать мне говорит! Вот! Она говорит, что я куколка базарная! Красавица, говорит! Тело у меня красивое, вот так, Алёшенька! Алёша, Алексей, вот так...

Торопливыми пальцами принялась растёгивать пуговицы халата. Длинный, пугающий звонок в дверь.

(Плачет.) Господи-и-и-и...

Алексей, зажатый в угол, вскакивает с топчана, вываливается в большую комнату, перекидывает несколько горшочков с цветами, топчет цветы, быстро убегает в свою комнату, захлопывает дверь, прижимается к ней. Потом бросается за стол, принимается лихорадочно писать. Встал, поправил портрет Хэмингуэя, снял его, попробовал поставить в другое место. Снова повесил. Что-то быстро пишет. Ольга трясёт головой, разбрызгивая слёзы. Встала. Пошла к двери, потому что звонят и звонят.

ОЛЬГА. Кто там? Я тебе сказала - не ходи! Заманал не пробегал? Нет? Чего надо, ну?

ИННА. *(за дверью.)* Пусти, зараза... Оглохла, что ли?

ОЛЬГА. Инна, ты?

ИННА. Да кто ещё-то? Кому вы нужны, кроме меня? Открывай, а то разнесу дверь сейчас к ебене матери... Собака!

Ольга открывает дверь. На пороге стоит ИННА. Ей 35 лет. В белом запачканном грязью плаще. Губы размазаны. Весьма, так сказать, потасканная дама. В данный момент - пьяная.

ОЛЬГА. *(кричит.)* Ну, чего тебе? Зачем пришла так поздно? Ходишь тут, людей пугаешь... Я уже сплю, матери нету, чего тебе надо? Нету у тебя дома, что ли, что ты шляешься по людям среди ночи, ну?!

Инна встала в коридоре, приняла позу манекеницы, запахнула оранжевый шарф на шею.

ИННА. *(громко.)* Инна Зайцева! Советский Союз! Впервые без намордника! *(Радостно.)* Оля! Пришла проститься с вами! С тобой, сестричка. С мамочкой. Говорят - сегодня ночью шандарахнет. Всех нас накроет. Давайте, простимся, что ли, по-человечески, хоть вы и суки обе, собаки натуральные! *(Достала из сумки бутылку дешёвого вина.)* Ну, что смотришь? Ага. Я опять криволла. Ну, а как тут не напиться? Оля? Сестричка моя милая, родная, как? *(Плачет, обнимает Ольгу.)* Сегодня, сказали, будет нам всем ночью пиз... Ну, кранты, то есть, понимаешь? Всё, Оля, в последний раз! *(Рыдает.)* Милая моя! Прости, что я тебя обижала! Но и ты тоже падла порядочная всегда была! И мама твоя! То есть, наша общая! Надо сегодня, однако, простить все грехи друг другу, а? Давай, а? Ну?

ОЛЬГА. Кто тебе сказал?

ИННА. По радио передавали. Только что. Всё. Финиш. Левитан, говорят, сказал: «Приготовьтесь, товарищи, сейчас наша планета столкнётся с другой. Просим соблюдать спокойствие...»

ОЛЬГА. Какое ещё спокойствие? Чего он мелет-то? Кто тебе сказал?

ИННА. Сама слышала! Оля! Включила радио, Левитан сообщает: мол, недолго музыка играла. Ну, я взяла и напилась в последний раз в жизни. Всё равно помирать, а чего? Чтоб не страшно было. Сходила, денег заняла, купила вот бурдёшки. Но вас помню. Решила придти. Милые мои! *(Рыдает.)* Конец света настал! Как было в Библии написано, так оно и вышло! Ведь говорили, все говорили: готовьтесь, суки, готовьтесь, а мы, дураки, не верили, не слушали, не верили в Бога в душу твою мать! Всё, Оленька! Сегодня ночью нам всем конец! Всё, Оля! *(Серьёзно.)* Может, в бомбоубежище пойдём?

ОЛЬГА. *(растерянно.)* Какое тут убежище?

ИННА. *(помолчала.)* Ну, что? Я так и буду тут стоять, ага? Стоит, на пути встала, кабанера какая! Пусти!

Сняла плащ, толкнула Ольгу, прошла на кухню, заглядывает во все горшки, гремит кастрюльками. Поставила на стол бутылку.

Что же вы мне не сообщаете? За родню уже не считаете? Не хотите со мной знаться, так?

ОЛЬГА. Не подкалывай опять....

ИННА. Ну, ну. Мать где? На работе?

ОЛЬГА. Опять ты пьяная...

ИННА. А ты опять трезвая! Не звезды-ка ты, гвоздика. Встала, стоит, смотрит, ишь! Достала сигарету, пошла к комнате Алексея. Ольга встала на пороге, не пускает. Пусти, ну?

ОЛЬГА. Не ходи. Он работает.

ИННА. Ой, с кем это он там работает? *(Оттолкнула Ольгу, стучит.)* Тюк-тюк!

АЛЕКСЕЙ. *(фальцетом.)* Кто там? *(Кашляет.)*

ИННА. Сто грамм! Можно войти?

Алексей вскочил, смял бумажки, на которых он что-то писал, испуганно смотрит на Инну.

Молодой человек, дайте даме спичку. Всё обыскала - ноль. В чём дело - не понимаю. Спички стали дефицитом, что ли? К концу света, ага? Просто дифференциация какая-то, такая колбасень с этими спичками... *(Смотрит на Алексея, улыбается.)* Какой молоденький...

АЛЕКСЕЙ. *(зажёт спичку.)* Пожалуйста...

ИННА. А что это вы так волнуетесь?

АЛЕКСЕЙ. С чего вы взяли? Вовсе нет.

ИННА. Ручки дрожат. *(Пауза.)* Тут у нас до вас был один квартирант. Я вот тоже у него всё время спички просила. Он такой наглючий был. Говорит: «У меня спичек нет. Есть, говорит, одна и то - сырая!» *(Стучит себя ладонью по губам.)* Пардон меня! Сбежал быстро! От нас прям все сбегают. Но вы-то от нас не сбежите! Не-ет! Сейчас по радио передавали, что вот-вот всех нас чпокнет. Левитан передавал.

АЛЕКСЕЙ. Что передавал? Какой Левитан?

ИННА. Такой, натуральный. Который войну объявлял.

АЛЕКСЕЙ. Он давно умер...

ИННА. Ну да, умер, дожидайся! Как же! Живой! Живо-о-ой! Сама слышала, своими ушами! Всё. Конец света. Вот, не верили в Бога, а теперь по радио начали передавать. Вот такушки. Ну? Расскажите: кто вы, что вы, молодой человек, а?

АЛЕКСЕЙ. А вы-то, вы-то кто, я не понимаю?

ИННА. Ах, пардон, ёк-макарёк, не представилась! Инна Зайцева! Советский Союз! Впервые без намордника! Сестра вот этой... Ольги, то есть. Я тут жила когда-то. Замуж вышла потом. *(Плачет.)* Неудачно. Муж гикнулся. Пьяный в речке утонул. Комнатка у меня есть. В Заречном. На стройке тружусь. Маляром. Вся анкета моя - вам! *(Смеётся.)* Ну, что стоим?

АЛЕКСЕЙ. Не-не з-знаю..

ИННА. Пойдём, вмажем. Спать ляжем. Сопли распустим, никого не пустим! *(Стучит себя ладонью по губам.)* Пардон меня. Покраснел малыш даже. Невинный, в очках даже... *(Смеётся.)* Выпьем пошли! Напоследок, в последний раз. Скоро шарахнет - и все дела. Всем каюк. Надо ведь накиряться. А то так - неинтересно. Познакомиться, а?

АЛЕКСЕЙ. *(помолчал, вздохнул.)* Пошли.

ИННА. Ну и молодец. За бутылкой разберёмся, кто кого и с кем.

Вышли в прихожую. Ольга стоит у дверей - всё слышала.

Ну, что смотришь, Манда Ивановна, накрывай на стол! *(Стучит ладонью по губам.)* Извиняюсь, я с ней по-родственному, любя. Пошли, выпьем? Больная ведь ты? Больная. Лечиться надо. Пошли. Ой, да что ты себя на лопате подаёшь, что ты смотришь таким змеем? Ну, квартирант у вас новый, ну, надо же мне с ним познакомиться, поговорить? Надо? Ну, с кем мне ещё разговаривать? Он мне о дальних странах расскажет, вот! Накрой на стол, не пучь бельмы свои!

Ольга пошла на кухню. Инна и Алексей следом. Ольга поставила на стол закуску, стаканы, тарелку с помидорами.

Это сестрёнка моя, любименькая, родненькая... Чего ты накрутилась, как фуфло какое? А мух, мух у вас сколько! Интеллигентным людям, блядь, в гости придти нельзя! *(Стучит ладонью по губам.)* Пардон меня. Ты нам давай - мухи отдельно, котлеты - отдельно. Садись, Лёша. «Алексей, Алёшенька, с-с-сынок! С-с-словно с-сын её услышать мог!»... *(Заплакала, опять весело.)* Да я знаю, знаю, как тебя зовут. Знаю ведь. У нас в нашей деревне всем всё известно! *(Снова запела.)* «Вот так и живё-ом! Не ждё-о-ом тишины! Нам скажут, она зарыдает!...» Бьёмся, бьёмся, к вечеру - напьемся! Давай! Прощайте, товарищи! *(Заплакала.)*

Налила вино по стаканам, все выпили. Пауза. Инна смотрит на Алексея выжидающе, ухмыляется.

Ну? Давай!

АЛЕКСЕЙ. Чего давать?

ИННА. Говори давай.

АЛЕКСЕЙ. О чём говорить?

ИННА. Ну, речь говори!

АЛЕКСЕЙ. Какую речь?

ИННА. Здра-асьте. Про дальние страны рассказывай. Как они там живут, как одеваются, что едят, как на машинах ездют.. Ну, про то, как они там сношаются, что ли...

ОЛЬГА. Инна! Инна!

ИННА. *(стучит ладошкой по губам.)* Извиняюсь, вырвалось. Извините, товарищи. Думала: в кругу подруг на стройке коммунизма! Я извиняюсь... А эта - смотри, смотри! Не любит выражений! Ну, пардон меня, пардон меня. Ишь ты, а? Да у нас всё по-простому. Ты вот, Алексей, скажи мне лучше: есть вот оно или нет?

АЛЕКСЕЙ. Что именно?

ИННА. Ну вот это, центральное?

АЛЕКСЕЙ. *(вытирает губы.)* Не понял?

ИННА. Ну, центральное? *(Пауза.)* Ну, что по телевизору показывают - вот это: оно есть или его нет?

АЛЕКСЕЙ. Не понимаю...

ИННА. Не понимает он! А вот смотрю иногда туда, в телевизор-то и думаю: нет, не может быть, чтобы всё это, вся такая красота была на свете! Не верю! А вот думаю, что это просто так такое кино сняли. Ещё музыки подпустили, туману, чтоб совсем красота была. Не верю! А вот думаю, что кроме нашего Шипиловска долбаного ничего нет на белом свете. Понимаешь? Нет, нет и всё! А только есть на свете вот эти четыре наши улицы: Ленина, Свердлова, Красноармейская и Эскаваторная и - всё... И больше ничего! А там за городом - только лес, лес, лес, без конца лес, лес... И где-то там в воздухе сидят какие-то люди, которые для нас всё придумывают, понимаешь? Чтоб всех нас успокаивать, чтоб мы работали на этой работе долбаной с утра до ночи, с утра до ночи, с утра до ночи и ни про что не думали, понимаешь? Только мы одни - и всё! И как заведённые: с утра бежать на работу вкалывать, потом домой - спать, жрать. Потом опять на работу... И так каждый Божий день, каждый Божий день, каждый Божий день, каждый, каждый... А вот в отпуск ехать куда-то боюсь. Потому что по телевизору говорят: везде красота и счастье, а вот люди рассказывают, что везде воры, везде убийцы сплошные, везде! Говорят, даже

людоеды появились. Людей вот, говорят, варят и едят. Пирожков наделают и наяривают: по десять копеек людям в киосках продают. И разоблачают их только тогда, когда из пирожка случайно ноготь человеческий вылезит, непромолотый, понимаешь? Везде, говорят, страшные просто дела творятся. А жить охота. Вот охота мне жить - ну, до смерти охота! Хоть какая жизнь у меня поганая, а вот охота! Хочу, понимаешь ли, жить! Ну, понимаешь ты меня или нет? Ну, что я тут сейчас сказала такое - ты понял или нет? Понял?

АЛЕКСЕЙ. Не понимаю... То есть, понимаю, но не совсем...

ИННА. Ага. А понимаю, когда вынимаю. Вот так. Не поймёшь ты. Не понимаешь ты! Вот зараза, а? Язык у меня не выговаривает всего того, что думаю... Ты вот мне вот что скажи тогда: Москва-то стоит ещё или нет уже, провалился, может, а?

АЛЕКСЕЙ. Москва? Москва - стоит. И Ленинград - стоит...

ИННА. Ну вот. В Москве стоит, в Ленинграде стоит, а в Шипиловске долбаном - не стоит! *(Поёт.)* На столе бутылочка, пойдём выпьем, милочка!

ОЛЬГА. Ну что ты мелешь? Человек посторонний, что он о нас подумает? Алексей, вы не обращайте внимания на неё, она вообще такая развязанная женщина, такая развязанная, просто ужасно

ИННА. Ладно ты, Мурлин Мурло! Гундосишь! Заткнись!

ОЛЬГА. Сама страхолюдина! Красавица мне нашлась тут! Не кури давай! Не слушайте её, Алексей, не слушайте!

ИННА. А вот как дам тебе сейчас в глаз. *(Пауза. Стучит ладошкой по губам.)* Пардон меня, мы по-родственному всё время. Бывает, кудри даже начнём друг дружке рвать. А то ведь скучно. И с мамой, бывало, сколько раз скублись. Стенка на стенку, ага. Подерёмся, поревём потом - всё ж таки развлечение. А так - скука! Мы - как мыло простые, понимаешь? Все перед тобой. Мама - в гортопе работает, ну, город топчёт, сплетни собирает. Я на стройке коммунизма наяриваю. Ольга вон с Боженькой с утра до ночи разговаривает. *(Заплакала.)* Жалко мне её... Ну, ненормальная она, придурок, ты уже понял, ага? Ты на неё внимания вообще не обращай, понял?

ОЛЬГА. Замолчи, сказала! Замолчи!

ИННА. А что тут такого? Тихая семейка. Маленький такой дурдом. Шизики-френики. *(Вдруг зарыдала, забила головой об стол.)* Оля-а-а! Давайте, выпьем! Попрощаемся, я ведь совсем забыла! Сестричка моя милая! Прости меня! Сколько раз я тебя обижала! Сейчас вот помрём, задавит нас всех, как тараканов! Всех! И тебя, Алексей, вместе с нами! Тебя-то за что, миленький? *(Притянула Алексея к себе, смачно поцеловала.)*

ОЛЬГА. Сядь! Не трогай!

АЛЕКСЕЙ. Можно, я тоже закурю?

ОЛЬГА. Курите, курите, я форточку открою. А ты не кури! Не туши в цветах папиросы свои! Мать ругаться будет!

Ольга открыла форточку, села на место.

ИННА. Не орите, девушка, без вас голова болит! *(Алексею.)* А вот обо мне в городе все говорят, что я такая-растакая... Мать меня даже в дом не пускает, злится. А я совсем, совсем чистая!

ОЛЬГА. Хватит тебе!

ИННА. Да у меня мужиков было после мужа - один-два и обчёлся. Ну, замужем они все, порядочные вроде как. А я - вдова. Муж утопился в речке. До сих пор найти не могут. Десять лет ищут. А я думаю, что он не утонул. Он в тот день не пил, гад такой! Я помню! Он сбежал от меня просто, думаю я! От такой жизни сбежал пёхом, до Москвы, втихомолку! А что? Так оно и есть. Ну, короче. Про моих мужиков весь город знает всё. Ну, про то, как мы с ними вошкались. Пардон меня. Одна жена приходила ко мне окна бить. Не достала - я на четвёртом этаже живу. Мужик нынче пошёл, должна я тебе, Лёшенька, как представителю из центра, пожаловаться - тьфу мужик пошёл! Один мне так прямо и сказал: «Ты мне, Инночка, нужна для удовлетворения моих низменных потребностей!» Понимаешь? Детей не хотят. Не получается у них. Дети-то по любви

получаются. А любить - никто не может. Вот ты тоже - тут сидишь. Вот скажи мне, кого ты любишь или не любишь? Никого ведь тоже, ага? Тоже ведь, как все, ага?

ОЛЬГА. Замолчи, я тебе сказала!

АЛЕКСЕЙ. (*захмелел.*) Нет, я люблю! Страстно!

ИННА. Ой, правда! Скажи, кого?

АЛЕКСЕЙ. А люблю... люблю великую русскую литературу!

ИННА. (*хохочет.*) Ну вот, вот! А же говорила! Кто такая? Почему не знаю?

АЛЕКСЕЙ. Книжки надо читать, книжки, Инна, дорогая! Книжки! Выпьем! Выпьем все вместе. Ура-а-а!!!..

ИННА. (*чокнулись, выпили.*) Давай! За твою, стало быть, любовь...

АЛЕКСЕЙ. (с грохотом поставил стакан, ест помидор, обливается соком.) Вот вы смеётесь? Да? Смеётесь, смеётесь? Да?

ИННА. Да мы на полном «сэ»!

АЛЕКСЕЙ. (*хохочет.*) Нет, вы смеётесь! Вы хохочете, да? А ведь я и вправду счастливый человек! Потому что люблю! До боли в сердце! До онемения! До ужаса! До спазм в глотке!

ИННА. Вот это да-а... До ужаса разве любят? Это как же? А? Ну-ка, расскажи нам про свою любовь, а? Нам с Мурлин Мурло про любовь обязательно надо знать... Давай, давай, давай! Слушай, Мурлин!

АЛЕКСЕЙ. Что рассказать вам, девушки, что рассказать? Ох, да разве можно рассказать, что такое воздух, солнце, чистое небо, трава после дождя?! Невозможно, милые мои! Немыслимо!

Машет руками. Ольга смотрит на Алексея восхищённо, Инна - испуганно.

Девушки! Я должен вам поведать следующее! Вот что: я живу в вашем городе вот уже целых два дня и должен сказать вам честно, нелицеприятно, со всей откровенностью, что я, глядя на вас, удивляюсь! Удивляюсь вашей жизни, вашему укладу! Как вы можете так жить? Грустно всё это... Нужно всё перестроить, переделать, перекроить! И всё встанет на свои места. Я, конечно, буду стараться, сколько хватит сил моих, чтобы всё взбудоражить в городе, чтобы началась другая жизнь, иные мысли чтобы возникли в головах людей! А сделаю, я обязательно сделаю это, у меня хватит сил, у меня много сил, желания! Сил и желания! Опомнитесь, дорогие мои! Весь город пьёт! Мы с вами вот - тоже! У меня на работе все пьяные или с похмелья! Почему все пьют? Почему?! Разве нельзя иначе устроить свою жизнь, организовать её так, чтобы не было ни минуты свободной, праздной, бессмысленной!? Вам всем, всем, всем необходимо са-мо-со-ве-ршен-ство-ва-ни-е! Каждый должен поставить перед собой цель! И идти к ней, не сворачивая и не сбиваясь! А цель необходимо поставить огромную, ясную, значительную! Не к благополучию, скажем, стремиться надо... ну, там, к даче, к машине или к... ну, что там ещё есть? Я не знаю! Не важно! Так вот! Не это главное, девушки! Не это! А главное, как я уже сказал - самосовершенствование! И спасти вас может, помочь вам сможет - моя любовь! Она спасёт! Моя любовь!

ОЛЬГА. Правильно! Ой, правильно вы говорите! Ваша любовь! Правильно!

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, вы меня не поняли! Не моя конкретно любовь, как единица измерения... То есть, спасёт вас только то, что я люблю! То есть, великая русская литература!

МОЛЧАНИЕ.

О, девушки мои милые и дорогие! Если бы многомиллионная толпа, масса читающих с вниманием и жаром и страстью прочитали бы и продумали бы из страницы в страницу великих Достоевского и Толстого, если бы все люди задумались над каждым их рассуждением, то наша Россия, страна наша выросла бы в страшно-страшно серьёзную величину, в страшно великую державу! Передумать, осмыслить их - это ведь, дорогие девушки, тоже самое, что и стать Сократом, понимаете? Вы догадались, конечно, что это

не моя мысль, чужая, но это не важно: я тоже так думаю, тоже! Главное: заставить людей перечитать, осмыслить, посмотреть на себя, на свою жизнь со стороны! Вот что! И это очень просто! Я думаю, что я сделаю, сделаю, что в моих силах! Понимаете?! Да?!

МОЛЧАНИЕ.

ИННА. *(стукнула по клеёнке ладошкой.)* Поняла я! Поняла я теперь тебя! Бей жидов, спасай Россию, правильно? Так, да?

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. *(растерянно.)* Нет, нет, это совсем не то... Я ведь говорю про другое, совсем про другое, вы разве не поняли меня? Я - абсолютно про другое! О том, что нам всем нужно читать книги и думать над ними, думать о своей жизни... Ото так понятно! И ещё - любить, любить, понимаете, нет?

ОЛЬГА. Поняла я! Поняла!

ИННА. Ля-ля, тополя... А ну-ка, про любовь, расскажи давай, давай!

АЛЕКСЕЙ. Да, любовь! Обязательно любовь! А теперь пребывают сии три: Вера, Надежда, Любовь, но Любовь из них больше! Так сказано в Библии, вы, конечно же, помните? Любовь - это всё! Она прежде всего! А вам открою страшную тайну, девушки! Страшную, страшную...

ИННА. Ой, не пугай нас... Ты не этот, случаем, как его... не людоед, нет?

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, я совсем другое! Тайна сия велика есть! У меня есть цель жизни, должен я вам сообщить, да, да! А пишу огромный роман! Огромный по замыслу, философии, обобщению! Ог-ром-ный! Чудовищно огромный! Он всё и всех потрясёт! Он переделает людей! Он всех нас перестроит! Потрясёт! Заставит думать! Вы все изменитесь, когда прочтёте его! Я работаю над ним вот уже много лет, лишаю себя личной жизни, чтобы сделать свой роман настоящим, великим, понимаете? Я сейчас! Я вам прочту последнюю главу! Секундочку! Одну только секундочку!

Побежал в свою комнату, роется в бумагах.

ИННА. Голова у него как вари-и-ит... А с виду - надавыш. Хрупкенький такой. Мальчик в очках. У меня в очках ни одного ещё не было. Захмелел быстро, давай всякую всячину собирать, молоть... Ты, правда, поняла что-то?

ОЛЬГА. *(с жаром.)* Поняла всё!

ИННА. Ой, врётся, умница моя... Споём, давай, сестрица? Помнишь, как раньше по вечерам мы с тобой пели складно так, а? Душа песни просит!

Запела и заплакала с первой же строчки:

«Там вдали за рекой зажигались огни-и-и. В небе ясном заря догорала-а-а!! Сотня юных бойцо-ов! Из будённовских войск! На разведку в поля поскакала-а-а!!!!...»

Прибегает Алексей. Инна машет на него руками, пробует петь дальше, но Алексей перебивает её.

АЛЕКСЕЙ. Сейчас, сейчас... Девушки, я нашёл это место!

ИННА. Да дай допоем!

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, нужно скорее, пока я не передумал! Я обычно никогда, никогда никому не читаю! *(Лихорадочно листает страницы.)*

ИННА. *(кисло, глядя на Ольгу.)* А может, анекдоты лучше, а? Какие-нибудь свежие, столичные? У тебя там не записано, случаем? Давай, я первая начну? Одна сволочь в автобусе рассказала! Три бабы встречаются, одна говорит: «Что это у моего Васи яички холодные?»

ОЛЬГА. Да тихо ты, перестань, мешаешь человеку, мешаешь!

ИННА. *(не слушая Ольгу.)* Ну вот. Вторая тоже: «И у моего Пети яички холодные!» «А третья промолчала. На второй день встретились, третья баба приходит вся в синяках.

Говорит: «Пошла к мужику своему, потрогала и говорю: «У Васи и Пети яички холодные, а у тебя тёплые!»...»

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, постойте! Что вы такое говорите?! Погодите! Пожалуйста! Потом!! Слушайте, слушайте меня! Скорее! Итак!!!!!!!

Встал, взмахнул руками, собрался читать. Внезапно в стены кухни застучали. Глухие сильные удары, крики.

ИННА. (прислушалась, вскочила.) Говорила же вам! Говорила! Передавали по радио! А вы - умер, умер! Живой, живой! Сейчас начнётся! Слава тебе, Господи! Спасибо тебе, Господи! Началось! Землетрясение! Катастрофа! Конец света! Ура! Дожили! Ура-а-а-а! Дождались! Ура! Ура! Ура!!!!

Пауза. В соседней квартире вопли. Стучат в стену. Женский голос: «Помогите, люди! Убивают, караул! Помогите! Спасите! Ай! Ой! Горе! Помогите! Караул!!!!»...

ОЛЬГА. Да сядь ты, сядь... Нашла себе землетрясение...

ИННА. (прислушалась, вздохнула горько, села.) Ошибочка вышла... Музыка Чайковского, а я уж подумала: пришёл нам всем... Жалко. Не слышит Бог мои молитвы...

АЛЕКСЕЙ. Послушайте, это что? Что такое? В чём дело? Не понимаю? Почему это? Что? Что происходит?

ИННА. Ой, сядь, малыш... Это всё в порядке. Мишка с Иркочкой дерутся. Дорогие соседи наши... Пусть. Сиди! Давай анекдоты!

На площадке и в соседней квартире жуткая, страшная драка. Детский плач, крики, оханье. Женский голос: «Пусти! Детей не трогай! Уйди! Изверг! Ай! Помогите! Скотина! Убийца! Отдай! Помогите! Убивают! Спасите-е! Караул!!!!...»

АЛЕКСЕЙ. (беспомощно озирается.) Ну, что же это... Что мы сидим... Надо милицию вызвать... Вы что сидите-то, что?!

ИННА. А что делать? Снять штаны да бегать? Наше-то какое дело? Пусть скубутся. Муж да жена - одна сатана. Ну, теперь это надолго. На всю ночь. А какая любовь была, слышь, Лёша? Вот ты тут про любовь всё говорил, ага? Вот у них тоже была любовь - кошмар! Как ты говоришь - до ужаса! До оне-ме-не-ния! Ручка об ручку ходили, целовались в подъезде! Ай, да все так - на публику изображают... Артисты, твою мать! Какая любовь тут, откуда она тут, от сырости, что ли? В кино только...

ОЛЬГА. (испуганно смотрит на Алексея.) Давайте, давайте, ещё нальём...

ИННА. (кричит.) Выпьем и споём: «Солнечный круг! Немцы вокруг! Гитлер пошёл на разведку!...»

АЛЕКСЕЙ. Да что вы сидите тут, что?! Надо же ей помочь! Там ведь бьют женщину! Вызовите милицию, немедленно, слышите, ну?

ИННА. Ты не в Чикаго, дорогой. Тут у нас система другая. Система ниппель: туда дуешь, а обратно - нет. (Зевнула.) Хорошо сидим. Халат у тебя, Ольга, не маркий... Нравится мне.

Истошные крики за стеной.

АЛЕКСЕЙ. Постойте, постойте секунду! Одну минуту! Посидите... Я разберусь! Человек должен, обязан действовать! Иначе цепь случайностей приведёт его... (Быстро пошёл к двери, Ольга повисла на нём.)

ОЛЬГА. (кричит.) Не ходите! Он вас убьёт! Не ходите! Нет!

Алексей вырывается из рук Ольги, открывает дверь на площадку, суетливо стучит в соседнюю квартиру.

ИННА. (на кухне, курит.) Господи, как мне всё надоело... Как мне уже жить не хочется... Господи!!! (Плачет.)

Михаил вышел на лестничную площадку.

АЛЕКСЕЙ. Послушайте! Что вы делаете! Как вам не стыдно! Бить женщину - подло! Опомнитесь! Стыдно! Нельзя! Что с вами?! Прекратите!!!

МИХАИЛ. *(тихо.)* Заманал - не пробежал?

АЛЕКСЕЙ. Я прошу вас немедленно прекратить издевательства! Слышите?

МИХАИЛ. *(угрожающе.)* А ну - урыл отсюда...

ОЛЬГА. *(кричит из-за дверей своей квартиры.)* Не трогай его! Опять налился! Не тронь его! Только попробуй его тронуть!

МИХАИЛ. Вместе, что ли, хотите получить? Ага? Спелись уже? Ах вы, соски грязные, пластмассовые, страшные... Ах вы, суки...

АЛЕКСЕЙ. Не смей ругаться при женщинах! Не смей!!!!

Михаил схватил Алексея в охапку, за волосы, раза два стукнул об колено головой - беспощадно, садистски. Крики, вопли. Толкнул Алексея в квартиру Ольги. Ушёл к себе. Алексей не пикнул даже. Лежит на полу, не шевелится. Ольга кричит, плачет, пробует поднять его.

ОЛЬГА. Говорила вам... Говорила вам... Зачем вы полезли?!

ИННА. *(сидит на кухне.)* Господи, да кто бы меня забрал отсюда?! Кто бы меня забрал?! Су-ки, за-бе-ри-те меня отсюда! *(Кричит.)* «Там вдали за рекой зажигались огни-и-и-и!!!!»

ОЛЬГА. Помоги ему! Инна! Человека убили! Убили! Убили! Кровь!!! Смотри, кровь!!! Приезжего человека убили!!! Не умирайте!!! Не умирайте!!! Умирает!!! Ай, ай, ай!!!

Хватает Алексея, целует его, трясёт, пачкается кровью. Алексей вырвался, оттолкнул Ольгу, тихо:

АЛЕКСЕЙ. Дура, что ты орёшь... Пошла вон... Идиотка... Дура, пошла вон, дура...

Шатаясь, ушёл в свою комнату, упал на раскладушку. Ольга сидит на полу, в коридоре, затравленно оглядывается то на дверь комнаты Алексея, то на Инну, которая продолжает орать на кухне во всю глотку песню...

ОЛЬГА. *(кричит.)* Господи, приди ко мне! Выполни, что прошу! Сделай, Господи! Господи, скорее бы нас всех трахнуло, скорее бы нас всех завалило бы, Господи, забери меня к себе! Господи, дай смерти мне, Господи!!!

ИННА. *(кричит.)* Заберите меня отсюда! Заберите меня отсюда!!!

ОЛЬГА. Меня! Меня заберите!!! Заберите меня!!! Меня!!! Меня!!! Меня!

ИННА. Меня заберите!!!! Меня! Заберите меня!!!

ОЛЬГА. Меня! Меня! Меня!

ИННА. Меня! Меня!

ОЛЬГА. Меня!

ИННА. Меня! Меня! Меня!

ОЛЬГА. Меня!

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

2 картина.

Прошло две недели. Та же квартира. Вечер. Алексей в своей комнате, лежит на кровати, рыдает, колотит подушку кулаками. Встал, посмотрел на себя в зеркало, потрогал синяк под глазом. Снова лёг на кровать, нашарил под кроватью бутылку вина, пьёт из горлышка. По лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, бежит Ольга. Она держит в руках клочок бумаги. Подбежала к двери, шарит по карманам, ищет ключи. Звонит в дверь.

ОЛЬГА. Алексей! Алёша! Алёшечка! Это я, Оля! Ольга это! Я ключи дома забыла, откройте, Алёшечка! Не бойтесь, Алёша! Не бойтесь!!! Как только раздался звонок в дверь, Алексей одним махом кинулся под кровать, затаился. Услышал Ольгу, выбрался из-под кровати, отряхнул костюм от пыли. Хлещет себя по щекам ладонями.

Алексей! Алёша! Алёшечка! Откройте! *(Стучит в дверь кулаками.)* Это я! Не бойтесь! Это я, Ольга!

АЛЕКСЕЙ. *(тихо.)* Трус! Трус! Скотина, трус, подлец!

ОЛЬГА. Это не он, Алёшечка, открывайте!

АЛЕКСЕЙ. *(открыл дверь, Ольга влетела, как вихрь в квартиру.)* Ну, что ты орёшь на весь подъезд... Не он, не он... Знаю, что не он... Будто я уже не вижу, не слышу... Не он, не он, не он...

ОЛЬГА. *(не слушает Алексея, бежит в его комнату, выдёргивает из-под кровати чемодан, принимается кидать в него вещи.)* Всё, Алёшечка! Всё! Я купила вам билет! Уезжайте! Сегодня же! В два часа ночи проходящий поезд! Стоянка - три минуты! Уезжайте! Я вам билет купила до самого Ленинграда! Собирайтесь! Нечего вам тут делать! Не надо тут вам находиться! Уезжайте! Ничего страшного на работе не случится! Я схожу, договорюсь, ага? Лучше уехать! Быстрее собирайтесь! Давайте!

АЛЕКСЕЙ. *(лёг на кровать.)* Что ты кричишь, что ты носишься, что ты орёшь целый день.. Чего ты раскомандовалась? А сам знаю, что нужно и что не надо делать!

ОЛЬГА. А ну - вставайте! Собирайтесь, сказала! Ну? Не надо, не надо вам тут находиться, Алёшечка! Тут вы совсем дураком станете, он из вас последние мозги вытрясет! Он пообещал ведь, пообещал! Собирайтесь, Алёшечка! Вы хороший, вы очень-очень хороший! Но вам тут у нас делать нечего! Бегите скорее из нашего города! Не надо вам тут! Уезжайте скорее! *(Плачет.)* Это всё из-за меня, дуры, из-за меня... Зачем я с ним связалась, сама не знаю, из-за меня, из-за меня, дуры...

АЛЕКСЕЙ. *(ерошит волосы на голове.)* При чём здесь ты?! Абсолютно не при чём! Господи! Я понимаю, понимаю, почему он меня... избил. И тогда, и сейчас! Понимаю! Тогда я поступил мужественно, благородно - заступился за женщину! И теперь он не может мне простить этого! А во-вторых, он воплощение пошлости, дурости вашего города! Он не может мне простить, что я вступил в бой с пороками...

ОЛЬГА. Ой, да с какими пороками, Алёшечка? Совсем вы глупый! Он ведь ревнует меня к вам, вот и всё! Потому и побил вас сегодня! Я ведь, Алёшечка, сплю с ним! То есть, спала раньше, понимаете?

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, он воплощение пошлости, всех пороков, а я - в бой с ними, с ним лично - в бой, в бой...

ОЛЬГА. Оглохли вы, что ли?

АЛЕКСЕЙ. *(помолчал.)* Как - спала?

ОЛЬГА. Ну так, натурально. Как мужики с бабами спят. Не знаю я, как такое получилось, стыдно мне даже говорить такое. Один раз случайно это вышло, а потом пошло и поехало... Я хотела, чтобы у меня ребёночек был, а не получается... По любви только надо, а так - не выходит, понимаете? Ой, стыдно мне, как мне стыдно! Собирайтесь, Алёшечка, собирайтесь, а то он вас совсем убьёт скоро! Уезжайте, прошу вас!

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

АЛЕКСЕЙ. Ты врёшь... Это неправда... Этого не может быть... Ты... ты... ты... духовная. Ты не можешь себе позволить такого... Не может быть. Нет, нет...

ОЛЬГА. Вот, вот, Алёшечка! Духовная! Я сама думала, что духовная и что этого не может быть! Думала, а оказывается - может! Собирайтесь, вот вам билет, я купила вам сама, уезжайте, скорее уезжайте!...

Алексей смотрит в потолок. Молчит. Смеётся.

АЛЕКСЕЙ. Какой кошмар... Какой ужас... Какой мрак... Страна зелёных помидоров... Куда я попал? Дурдом. Какой мрак. А я-то, по-дурости, думаю: защищаю идеалы... Какие там идеалы? Дурак. А я-то думаю, что он мне простить не может, потому-то и бил сегодня на виду у всего честного народа... А оказывается... *(Хохочет.)* Оказывается, он меня из-за вот этой местной красавицы... Господи, Господи, Господи... какой кошмар... Мрак какой... Жуть какая... До смешного, ей-Богу...

ОЛЬГА. Вот, вот билет, берите, берите и поезжайте, вот билет, вот...

АЛЕКСЕЙ. *(улыбается.)* Какой билет, милая? Опять на лилипутов?

ОЛЬГА. Нет, до самого Ленинграда... Да скорее бы нас всех долбануло, засыпало бы со всех сторон! Скорее! Собирайтесь! Давайте, не смотрите так, хватит!

Алексей сел на кровать. Бессмысленно смотрит в одну точку.

АЛЕКСЕЙ. Ты права, милая подруга, права. Пра-ва. Сваливать надо отсюда и поскорее. К чёрту вас всех. Чтоб вы все сдохли, козлы! Козлы!!! Хватит! Не выходит из меня миссионера, не выходит. И слава Богу! *(Достаёт из-под кровати бутылку, пьёт.)* Какая гнусь... Не трогай мои вещи, не прикасайся! Я сам всё соберу! Не трогай, кому сказал!

ОЛЬГА. Не пейте... Зачем вы это... не надо... Поставьте...

АЛЕКСЕЙ. Пошла ты знаешь куда?! Ну вот. Лезешь тут под руку. Выпью. Выпью тебе назло. Назло! Чтоб видела! Чтоб ты видела!

ОЛЬГА. Я виноватая, я, я! Виноватая я! Не пейте только! Зачем вы пьёте? Зачем? Вы раньше не пили! Вы роман писали! Я заглядывала, читала! Непонятно, но интересно... Давайте, собирайтесь, собирайтесь...

АЛЕКСЕЙ. Что читала?

ОЛЬГА. Роман ваш читала...

АЛЕКСЕЙ. Кто тебе разрешил?

ОЛЬГА. На столе лежало я и прочитала...

АЛЕКСЕЙ. Стыдно читать чужое. Очень стыдно. *(Ольга сидит на полу, собирает вещи в чемодан.)* Бессовестно это. Безобразно бессовестно. Это всё равно, что чужое грязное бельё перебирать в руках...

ОЛЬГА. А зачем вы носки и трусы грязные под матрас засовываете? Давали бы лучше мне, я бы вам постирала. Давайте, складывайте их в чемодан, сюда, сюда...

АЛЕКСЕЙ. Слушай, ты... Слушай, ты... Слушай, ты... ты... ты дура набитая, что ли?! Ты не понимаешь ничего своей башкой тупой, что ли?! Не кумекаешь?! Дура?! Варит у тебя котелок?! Не варит?! Не варит?! На лилипутов ходишь смотреть, да, на лилипутов?!

ОЛЬГА. Они смешные...

АЛЕКСЕЙ. Да ты на меня посмотри, какой я смешной, на меня, на меня! По твоей милости какой я смешной, посмотри! Из-за того, что ты удовлетворяешь свои низменные потребности!!!! Это ведь, оказывается, из-за тебя, дуры набитой, кошки драной, из-за тебя, а я думал... Дебилка! «Муму» не прочитала за свои почти тридцать лет?! Не прочитала ведь, не прочитала?!

ОЛЬГА. Не прочитала...

АЛЕКСЕЙ. Врала мне тут, в постель тащила... Бог к ней являлся! Я её пожалел, думал, что она духовная, невероятная девушка, думал, никто её не понимает, ненормальной считают её! А она, эта духовная, с каким-то жлобом - запросто, в постель! Ужас, мрак какой, кошмар! Дурдом! Да чтоб я тут на секунду ещё остался! Отдай билет, гадина!!!!

Бегает по комнате, собирает вещи. Ольга стоит с опущенными руками. Вдруг упала, схватила Алексея за ноги, вопит.

ОЛЬГА. Ой, не уезжайте, миленький мой, не бросайте меня, не бросайте! Я люблю тебя так сильно, так сильно! Я без тебя в петлю залезу! Не бросай меня, Алёшечка, миленький, любимый мой, не бросай!

АЛЕКСЕЙ. Пусти мои ноги! Они тут не для того поставлены! Пусти, сказал! Уйди отсюда! Ненавижу тебя, мерзость такая! Ненавижу тебя! Ненавижу! Всё равно уеду! Пусти! Пусти, пусти, сказал!!!

Внезапно в квартире и на лестничной площадке гаснет свет. Пауза. Барактанье.

(визгливо.) А ну - включи свет! Сейчас же! Кому сказал! Ты что думаешь, меня это остановит?! Включи свет! Идиотка, включи свет!

ОЛЬГА. Алёшечка, вот вы всё время на меня кричите, а потом хотите разобраться... Я не виноватая, Алёшечка, что у нас часто свет вырубают... На час вырубают, на два, на три... Бывает, на целые сутки...

Алексей сел на кровать, смеётся.

АЛЕКСЕЙ. Дурдом, дурдом! Дом хи-хи! Куда я попал?! Света нету! Удаться хочешь - в магазине мыла нету! Утопиться захотел - из речки так дерьмом воняет, что в воду противно лезть! Уехать хочешь - свет выключают!! Дурдом! Дурдом! Дурдом Господи! Господи! *(Плачет.)*

ОЛЬГА. Поплачьте, поплачьте, Алёшечка, помогает... Меня мамка набьёт, набьёт, бывало, я тоже плачу, плачу, а потом сразу легче...

Ольга вдруг выпрямилась, вскинула руки в воздух, замерла.

Ой, тихо, Алёша... Тихо... Пришёл...

АЛЕКСЕЙ. Кто пришёл?

ОЛЬГА. Он пришёл... Бог пришёл... Вон, в углу сидит, на троне будто... Не видите, разве? Пришёл... пришёл...

АЛЕКСЕЙ. *(забрался с ногами на кровать, прижался к стенке.)* Ну-ка, ну-ка, ты, ты, ты, ты, не сходи с ума... Не сходи, давай, мне тут...

ОЛЬГА. *(стоит напряжённая, как струна, судорожно хватая ртом воздух.)* Тихо, Алёша. Тихо... Он плачет... Никогда не плакал... Какие слёзы у него... Как кровь... Тихо... тихо... не надо... будто кровь капает... красные слёзы... Боженька, не плачь, не надо, а то я тоже буду... Неправда! Нет! Неправда, Боженька! Я пожалела его! Неправда! Я его люблю, никого не любила! Неправда! Стой! Не уходи!... Боженька! Неправда! Нет!!! Нет!!! Нет!!! Нет!!!

Ольга упала на пол, бьётся в истерике, рыдает.

БОЛЬШАЯ ПАУЗА. МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. *(шепчет.)* Ну-ка, ну-ка, перестань сейчас же... Хватит тут с ума сходить... Ты чего это тут, а? Ну-ка, ну-ка, не пугай меня, дура такая...

Пауза. Ольга села на пол, зажала голову руками, всхлипывает, стонет.

ОЛЬГА. *(тихо.)* Он мне сказал, что больше не придёт... Не хочет больше со мной разговаривать... Обозвал меня всяко по-всякому... Я не такая!... Я пойду... Пойду... свечку надо... где-то лампа была... надо холодильник отключить, достать всё, чтобы не растаяло, не слиплось всё.... Не слиплось...

Встала, качается из стороны в сторону, пошла на кухню.

АЛЕКСЕЙ. *(на кровати, шепчет.)* Дура, дура, дура... Не слиплось, не слиплось, не слиплось.... Не слиплось, дура...

Ольга на кухне нашла свечку, зажгла её. Плачет. В дверь стучат. Алексей зарылся под одеяло. Ольга со свечкой в руках идёт открывать.

ОЛЬГА. *(у двери.)* Кто там?

ИННА. *(кричит за дверью.)* Открывайте! Ну, быстро?!!!

Ольга открыла. Инна влетела, бежит, опрокидывает всё в комнате Алексея, наступает на чемодан.

Всё! Всё! Всё! Собирайтесь! Быстро пошли! В бомбоубежище! Свет уже отключили! *(Бежит в большую комнату.)* Оля! Вставай! Не спи! Конец света настанет! Где ты, Оля?!

ОЛЬГА. *(выглядывает из-за двери.)* Да здесь я, здесь... Не сходи с ума, что случилось-то?

ИННА. *(в комнате Алексея, суетливо бежит, кричит.)* Алёша, возьми с собой самое ценное всё! Только ценные вещи, Алёша! Бери с собой, главное, роман, остальное - ерунда! Пошли бегом! Свет уже отключили, чтоб пожаров особых не наделать! Сейчас как затрясёт, как начнётся! И Боженка нас всех, сук в рваных ботах, судить станет! Пардон меня! Вставай! Пошли быстренько, ну! Пошли бегом, ну!?

АЛЕКСЕЙ. *(сидит на кровати.)* Что начнётся?

ИННА. Землетрясение!

АЛЕКСЕЙ. А другого повода не могла найти, чтобы заявиться?

ИННА. Ну, что ты там бормочешь, Алёша? Пошли, некогда! *(Хватает чемодан Алексея.)* По телевизору только что передали: сейчас будет конец света! Юрий Николаев передавал! Который «Утреннюю почту» ведёт и «Юрмалу»! Говорит: всех сейчас шарахнет! Пошли, спрячемся в подвал, может - и выживем тогда, а? Ну, быстрее, что вы, орёлики, как варёные?! Пошли, сказала, ну?!

АЛЕКСЕЙ. *(сквозь зубы.)* Кто передавал по телевизору? Опять Левитан?

ИННА. Нет, Левитан в тот раз был! Обманул, паразит! А сейчас - Юрий Николаев начал, а потом - сам Горбачёв! Ага, сам! Грустный такой... Пиджак в клеточку, галстук в полосочку. Стоит вот так. Ручки сложил. Всё время весёлый был, пока перестраивался. А тут - грустный. Доперестраивался, гад, до конца света! Он, значит, ребята, стоит, ага, а сзади него - Равиля Максудовна его. А глаза грустныиии-грустныиии, несчастныиии-несчастныиии! Мне чего-то их, бедных, так жалко-жалко стало, чуть не заплакала аж, не знаю даже почему... Ну, нам-то терять нечего, а им-то, бедным, а? Равиля тоже плачет, бедная, плачет! Её у нас на работе все бабы не любят! «Равиля» на неё говорят!

АЛЕКСЕЙ. А это кто такая?

ИННА. Равиля-то? Здра-асьте! Жена его, Райка! Он ведь для неё всё, говорят, сделал: рай-ком, рай-исполком, рай-совет! Не знаешь, что ли? Да у нас весь Шипиловск только про это и говорит, про то, что он её везде с собой таскает, ну? Злятся на неё! Ну, чего она так одевается-то, ну? А ещё анекдот про неё рассказывают: стоит Равиля, плачет. Её спрашивают: «Ты чего?» А она говорит: «Талон на сахар потеряла!» Ну, пошли, пошли быстрее в подвал, ну?!

Зажигается свет. Пауза. Стоят все трое, смотрят друг на друга.

(удивлённо.) Надо же... Свет дали... Наверное, отбой..

АЛЕКСЕЙ. *(помолчал.)* Всё? Окончен концерт? Нет?

Сел на пол, принялся засовывать в чемодан вещи.

ИННА. *(теребя сумочку, смотрит на Алексея.)* А мне уже всё рассказали... Я и прибежала... А ты чего? Уезжать собрался, ага? Да ну!

АЛЕКСЕЙ. Что тебе рассказали?

ИННА. Ну, что тебя там, на площади прямо, перед всеми, перед памятником Ленину... Я и прибежала... Мишка, сказали, тебя этот... Ну, гад! Я ему рожу начищу! Сейчас пойду! Получит он у меня, скотина! Хочешь?!

АЛЕКСЕЙ. *(хохочет.)* Уже весь город знает! Весь город! Надо бежать, бежать надо, скорее надо, скорее от них, пока не начали разглядывать на свет моё грязное бельё! Бежать, бежать, бежать...

ИННА. *(вдруг.)* Алёша, миленький! А вот возьми меня с собой, а?

ОЛЬГА. Иди домой, Инна...

ИННА. Помолчи, крокодилина, не твоё дело! Алёша! Возьми меня с собой, а? Ну, возьми, а? Я тебе в обузу не буду, а? Мне одной отсюда не выбраться, уехать страшно одной, а вместе веселее, а? Ты меня только подтолкнёшь, дорогу покажешь, а? А у тебя на шее висеть не буду, Алёша, а? Возьми, ну, возьми, а? Ну, хочешь, я перед тобой на колени встану, а? Вот, смотри, встала! Вот!

Кинулась на колени, смотрит на Алексея снизу вверх.

АЛЕКСЕЙ. *(выдёргивает ноги из рук Инны.)* Что, что, что ты пристала ко мне?! Какого чёрта тебе надо?! Что вам всем нужно?! В чемодан я тебя запихну, что ли?!

ИННА. *(вопит.)* Не пущу!!! Алексей, я с тобой уеду! Ты у меня последняя надежда! Больше у меня нету! Возьми меня с собой! А то я тут разлагаться начинаю! Внутренне и внешне разлагаюсь! Алексей, возьми меня, а? Алёша? Алексей, ну? А?

ОЛЬГА. Да что ты с ума сходишь, успокойся, хватит тебе, опять нализалась, дура, уходи отсюда, уходи быстро!!!

ИННА. Замолчи! Алексей, если ты меня не возьмешь, если ты меня... Я над собой надругательство сделаю, слышишь? Если ты вот сейчас же не увезёшь меня отсюда, я вот тут, сейчас, на твоих глазах, возьму нож и воткну себе в глотку, понял? Как засандалю себе в глотку по самую рукоятку, чтоб тебе стыдно стало, понял? Не возьмёшь меня, нет? Не возьмёшь? Сейчас, сейчас, я тебе покажу тогда, покажу... Бежит на кухню.

ОЛЬГА. Да сядь ты, сядь, не придуривайся, стыдно ведь, стыдно...

ИННА. Оля! Сестричка! Ольга! Где у нас ножи? Дай мне скорее! Ну? А зарежусь! А сейчас же зарежусь! Слышишь, Ольга! *(Нашла нож, бежит в комнату Алексея.)* Не возьмёшь? Не возьмёшь, да? Ты ведь не такой Алёшечка, не такой, нет! Ты ведь меня возьмёшь, ну? Мне ведь жить охота, ну? Алексей? Ну? Не возьмёшь?

АЛЕКСЕЙ. *(тихо.)* А ну положи нож... Быстро!!!

ИННА. *(кинула нож в угол.)* Положила... Положила... Ну его к чёрту... Положила, Алёшечка... Возьмёшь меня с собой, возьмёшь?!

АЛЕКСЕЙ. Как мне этот цирк тараканий надоел! Осточертел! Собирайся! Хоть весь город давайте со мной! Давайте! Давайте! Все давайте! Собирайтесь! Ольгу бери! Маму! Мишу своего! Иру вашу! Все давайте! Давайте, давайте, чего же вы! Давайте! А вас всех спасу! Давайте! Давайте!

Инна кинулась к Алексею, принялась целовать ему руки. Долго пытается поцеловать его в грудь, тот отбивается. За окном дикий вопль. Никто не обратил на него внимания. Инна кричит, что есть силы.

ИННА. Оля! Олечка! Сестричка моя! Он согласился! Он согласился меня увезти отсюда! Согласился! Всё! Всё! Всё! Оля! Оля!...

Бежит в большую комнату, находит Ольгу, сидящую на диване, трясёт её.

Сестричка моя! Мы уезжаем! Всё, Оля, хватит! Мы едем! Мы с Лёшечкой едем к ебене матери! Эту дыру к ебене... Чтоб она провалилась! Я хоть на Красную площадь схожу в Ленинграде! Хоть мир посмотрю, Оля! Туда её, эту дыру! Прости, Алёшечка, больше не буду, вырвалось, прости! Я могу быть интеллигентной женщиной, могу, могу!...

Алексей сидит в своей комнате на кровати, сжимает зубы, стучит себя по коленям кулаками.

Оля! Привет маме! Передавай обязательно! Оля! Собери нам поесть в дорогу! Мы на вокзал с Алёшечкой пошпарили! Сядем в поезд и уедем! В Ленинград поедем! Ура! И будем там жить! Прощай, Оля! Я, может, мужика своего там встречу, схвачу его за шкирку! Скажу: вот ты где, суконец, утопленник, бросил меня, ага? Всё, Алёшечка! Бегаёт по комнатам, всё раскидывает.

ОЛЬГА. *(тихо.)* Сядь.... Инна, не дури... Сядь... Не стыдно тебе?

ИННА. *(не слушает, встала на колени, залезла под кровать, набирает в сумку помидоры.)* Оля, это нам с собой, на дорогу, мы возьмём! Ты не бойся, Оля! Мы тебя тоже спасём! Мы

спасателями заделаемся! Мы весь Шипиловск долбаный туда перетянем! Всех до единого! Пусть им негры вкалывают на ихнем комбинате долбаном! Оля, ты не думай! Прости, Алёша, вырвалось, больше не буду! Оля, ты не думай! Мы только обустроимся на новом месте, мы тебя сразу же вызовем! Телеграммой, Оля! Молнией, срочной, Оля! Ты не волнуйся! Мы тебя отсюда вытащим!

Прибежала в комнату Алексея.

Алёша, возьми помидоры! Пригодятся в дороге поесть! Алёша, у меня в сумке бутылочка, фуфырёк, сядем в купе, достанем помидоров и будем ими закусывать пока! Я сейчас, Алёша! Посиди тут минуточку! Я бегом и обратно! Я только сберкнижку и паспорт возьму! Алёша, а ты посиди пока тут! Сейчас! Не двигайся с места! Смертельно, понял? Сиди, не шевелись! Я сей момент, мигом я!

Пулей вылетела из квартиры, хлопнула дверь.

ТИШИНА. МОЛЧАНИЕ. Истошный крик за окном. Ольга идёт к Алексею.

ОЛЬГА. Что вы ей сказали? Зачем? Зачем вы её обманули?

АЛЕКСЕЙ. Помолчи! Ничего я никого не обманывал! Люди сами себя обманывают, сами! Она сама всё решила, без меня, сама! Да пусть едет, пусть! Мне-то что? Пусть едет, куда хочет!

ОЛЬГА. Вы же её бросите на вокзале на каком-нибудь... Куда она потом денется? Куда?

АЛЕКСЕЙ. Пусть едет, куда хочет. Мне всё равно. Да у меня в Ленинграде - трёхкомнатная квартира. Места всем хватит. Действительно, должен же я хоть кого-то спасти?! Пусть едет! Вот так, поняла?

ОЛЬГА. Вам письмо от родителей приходило, там обратный адрес был, я видела...

АЛЕКСЕЙ. Нет, это потрясающе! Все бумаги мои она проверила, перерыла! Грязное бельё моё она рассматривает! Письма мои она читает!..

ОЛЬГА. Чужие письма я не читала... Неправда! А только посмотрела на конверте обратный адрес! Я чужих писем не читала! Не читала я! Я не виноватая, что ваши родители на конверте обратный адрес написали! А если написали - значит, всем читать можно обратный адрес! Никакой квартиры у вас в Ленинграде нет, письмо-то было из Курска! Писем я ваших не читала! А роман я ваш читала потому, что вы сказали, что вы для всех его пишете! Для всех людей! А я тоже человек! Вы сказали, что хотите романом людей переделать! А я тоже хочу переделаться! *(Кричит.)* А грязное бельё ваше торчало из-под матраса, когда я в вашей комнате пол мыла! И мне вас жалко стало! Вот и всё! Уезжайте скорее, уезжайте скорее, чтобы вы только меня не мучали, не мучали! У меня все беды от вас пошли! Уезжайте! Я думала, что вы хороший! А вы плохой! Вы играете, как артисты в кино играют! Себя обманывают! Вы не артист Бурков и мы вам тут не кинокомедия! Ясно?! Уезжайте, Алёша! Только мне вас жалко, жалко почему-то, жалко! Бог с вами, уезжайте!

АЛЕКСЕЙ. Молчать! Жалостливая какая нашлась! Молчать! Жалеть она меня будет! Амёба, низший уровень развития! Иди к своему жлобу, убирайся!

ОЛЬГА. Жалко мне вас, жалко, жалко, жалко...

АЛЕКСЕЙ. Заткнись, сказал?! А то получишь сейчас у меня!

Пауза. Смотрит на Ольгу.

Постой-ка... Что же это я, а? Вот так вот уеду и все будут говорить, что из-за тебя? Так? Весь город будет говорить, да? Что меня били из-за тебя? *(Взял бутылку, пьёт из горлышка.)* Значит, я ни за что, ни про что получал? Так, выходит, что ли?

ОЛЬГА. *(пятится в большую комнату.)* Не надо, Алёша... Что вы придумали такое... Не надо... Вы ведь не такой... Вы просто сейчас пьяный... Идите уже на вокзал... Не надо, Алёша... Бог вам не простит, что вы?

АЛЕКСЕЙ. Интересно, почему это - не надо? Другим с тобой можно, а мне - нельзя? Когда-то ведь надо начинать? Правильно? Ну вот, ты мне всё и покажешь... Сколько уже

можно себя хранить? Хватит, пора уже... Всемирная пошлость подсказывает: пора, пора... Иди давай сюда, ну?

ОЛЬГА. *(пятится, идёт в «тёмную» комнату, не спуская с Алексея глаз; испуганно:)* Нельзя, нельзя... Бог накажет вас, Бог всё видит, всё...

АЛЕКСЕЙ. *(идёт за ней в «тёмную» комнату.)* А за что меня наказывать? За что? Да и сама сказала: нету Бога, ушёл он, нету его.. Ну, ну? Раздевайся? Как ты перед ним раздевалась, ну? Покажи! Что ты делала? Танцевала перед ним, да? А передо мной не хочешь, да? А ну, танцуй, танцуй, покажи, какая ты, ну, танцуй, ну?!

ОЛЬГА. Не надо, Алёшечка, прошу вас, миленький, не трогайте меня, пожалуйста, не надо, прошу вас, не надо, не надо, не надо, прошу, не надо...

АЛЕКСЕЙ. Ладно! Будешь тут разговоры разговаривать! Сама ведь тащила меня в постель, раздевалась, а теперь чего, а?! Иди, давай, тварь подлая, иди сюда, иди, иди, иди, ложись!!! Мурлин Мурло!!!!

Схватил Ольгу, повалил на топчан.

ТЕМНОТА.

3 картина.

Ольга и Алексей сидят в «тёмной» комнате. Полумрак.

МОЛЧАНИЕ.

АЛЕКСЕЙ. *(кашлянул.)* Ну вот и... Вот и... Надо идти... Страшно тут... в темноте... Страшно в темноте... Какая сильная фраза... Надо будет записать... Записать...

Встал, быстро пошёл в свою комнату. Ольга сидит в «тёмной» комнате, тупо смотрит в пол, раскачивается из стороны в сторону, сжав голову руками. Алексей воровато оглянулся, взъерошил волосы. Достал из стола коробку конфет. Схватил портрет Хемингуэя, сунул в чемодан. Не получается. Вынес чемодан в коридор. Идёт к Ольге.

Ну, всё, кажется... А поехал... До свидания... Деньги за билет, матери за квартиру - вот... Передай... А это - тебе... Держи... Ну, ну, бери... *(Сунул Ольге в руки коробку конфет.)* Из старых запасов... Вот так... А это Инне передай... *(Поставил возле Ольги портрет Хемингуэя, трёт руки.)* Она ведь юморная, ага? Она всё поймёт... Она юморная, она оценит... Что я пошутил - поймёт она... Да и не собиралась она никуда, так, от скуки придумывает всякое... Скажи: выпивший был, пошутил. Она поймёт... А тебе это... напишу ещё...

Портрет Хемингуэя стоит вниз головой. Ольга подняла глаза на Алексея, смотрит долго и внимательно.

Ты привет ей передавай, ага?.. Я поехал... А ты давай, не кисни тут, ага? Всё будет хорошо.. Ну? Ну и ладушки...

Ольга молчит. Смотрит на Алексея широко открытыми глазами. Алексей с чемоданом в руках быстро идёт к двери, выходит на лестничную площадку, сталкивается нос к носу с Михаилом, который давно уже стоит там, курит. Долго смотрят друг другу в глаза. Михаил сплёвывает в лестничный проём.

МИХАИЛ. Ну, что? Мало дал? Или хватит? Если мало - прокурор добавит... *(Смеётся.)* Отваливаешь, что ли? Или пошёл с чемоданом бутылки сдавать? Гы-гы...

АЛЕКСЕЙ. *(прижал к себе чемодан, кричит.)* Не трогайте меня! Слышите?! Только попробуйте!!!

МИХАИЛ. *(молчит.)* Да нужен ты, мараться об тебя... А вот сюда плюну и как только мои слюны упадут на первый этаж, так чтоб и ты был на первом этаже... Гы-гы. Понял, нет? Гы-гы. Или пнуть тебя напоследок?

АЛЕКСЕЙ. Не надо... Не надо... Я сам!!! Не надо!!!

Боком-боком, кинулся на лестницу, летит во весь опор вниз. Исчезает. Михаил курит, улыбается. Плюёт в лестничный проём. Ушёл в свою квартиру. Ольга стоит в «тёмной» комнате с портретом Хемингуэя и коробкой конфет в руках. Пошла на кухню, вытряхнула конфеты в мусорное ведро. Вернулась. Начала срывать и комкать портреты артистов, которые висели по стенам в «тёмной» комнате. Свалила в подол камешки, сухие цветы, ракушки - отнесла всё на кухню, сунула в мусорное ведро. Пришла в большую комнату, испуганно озирается. Молчит, смотрит в пол. Михаил выскочил из своей квартиры на лестничную площадку. В руках у него бутылка вина. Звонит в дверь Ольги.

МИХАИЛ. *(шёпотом.)* Оля! Оля! Открой! Оля! Это я, Миша, Миша твой! Оля! Открой! *(Ольга открыла дверь, смотрит на Михаила, молчит.)* Ну вот...

Михаил вошёл в квартиру, прижал Ольгу к себе.

Ну вот, всё в порядке... Открыла... Матери нету, ага? А я бутылочку принёс... Поздравишь меня... Умница моя, молодец ты моя... Как ты живёшь, Оля? Уехал этот, ага? Видишь, какой я сильный, как меня все боятся? Наподдавал я ему, сразу он и укатил, ага? Правильно я сделал, правильно, Олечка моя... А то как он появился, так ты сразу как не своя стала... Как не моя, Олечка, стала, Олечка моя... Слушай, что я придумал: я вам буду зачислять по тридцать рублей в месяц и матери твоей давать, чтобы не пускали только никого на постой, ага? Не берите никого, ладно? Оля, Олечка, Оленька? Ну, ну? Что с тобой? Всё хорошо? Будем считать, что и не было ничего, так, да? Пойдём, пойдём к тебе туда, в твою комнатку, ну? К тебе туда, ну, пойдём, Оленька, милая моя... Оля... Оля... Оля... *(Целует Ольгу, обнимает, та стоит - не двигается.)*

По лестнице бежит Инна. Колотит в дверь ногами, кричит что-то. Михаил открывает дверь.

ИННА. *(влетела в коридор, оттолкнула с дороги Михаила и Ольгу.)* Алёша! Алёшечка мой! Едем! Я готова! Всё! А самое необходимое, что в дороге понадобится, взяла с собой! Всё, Алёша! Прощай, Шипиловск долбаный! Всё! Прощайте все! А мы полетим - как фанера над Парижем! Всё, Алёша! Всё! Прощай, Шипиловск долбаный! Прощайте все! А мы - всё! Вот так вот, вот так вот, Алёшечка, Алёша, Алёша...

Оббежала все комнаты, бросилась на площадку. Ольга встала у окна, смотрит на улицу. Михаил стоит у двери.

ИННА. *(схватила Михаила за грудки.)* Миша! Миша! Меня искали? Да? Меня спрашивали, да? Куда делись? Меня спрашивали? Искали, да?

МИХАИЛ. Искали, искали... Один с топором, двое с носилками... *(Смеётся.)* Кому ты нужна, спрашивать тебя..

ИННА. *(бросилась к Ольге.)* А-а, он пошёл уже, ага, Оля? Правильно! Очередь надо в кассу занять! Мне билет ещё нужно купить! А мы в купейном поезде! Мы в общих ездить теперь не будем! Я побежала, Оля! Всё, пока, Оля! Напишу тебе с дороги! Ой, Миша, здравствуй! Я тебя и не заметила! Здравствуй! И до свидания сразу же! Будь здоров, я поехала!

Ольга молчит, смотрит в окно. Инна затравленно озирается. То на Ольгу смотрит, то на Михаила.

Олечка, ну что же ты, сестричка? Почему ты меня не отпускаешь, ну?

Ольга молчит.

Сучка такая, скажи ей, Миша! Ты, сучка! У тебя всё есть, всё! Мордovorотина вот эта есть у тебя, хоть раз в неделю, да приходит! А у меня ничего нету! Что, думаешь, не знаю? Весь город знает! Он всем хвастается! Люди знают! Всё знают! Ты!!! Мурлин Мурло!!! Не пускай, не пускай на свою голову! Завидуй! Ишь, не пускает ещё! Уже всё, договорились, ехать хотели, а она - не пускает! Ты, сучка, мисс Панель-91, вот ты кто! Пусти меня! Пусти сейчас же, выпусти, кому сказала, ну?!

Села на диван, рыдает.

Оля, Оля, кому даёшь стоя, начальнику конвоя, на выходя из строя!..

МИХАИЛ. Ну-ка, ну-ка, не ори тут, давай, не ори... Догонишь ещё, иди, иди.

ИННА. *(рыдает.)* Как же, догонишь, как же, иди! Если вон она как злится, не пускает, не хочет, чтобы я пошла! Как же, иди! Оля! Сестричка милая нашлась! Сучка ты, больше ты никто!...

Ольга взяла портрет Хемингуэя, подала Инне.

Чего это? Мне, что ли? Подарок, что ли? На память. что ли? На вечную, ага? Мне передать велел? Ага? *(Ольга молчит, смотрит в окно. Инна рыдает, целует портрет.)* Да кто это?! Да что это, Господи?! Он, что ли, сам?! В старости, ага? Да на хера он мне нужен-то? Мне он живой нужен, живой, а не мёртвый!

МИХАИЛ. А ну, хватит, девки, ну? Да что вы как белены наелись? Из-за чего крик-шум, не понял я? Из-за этого хмыря-чумовоза, что ли? Нашли из-за чего, дуры! А ну, пошли на кухню, пошли быстренько, отметим, я пузырик принёс! У меня радость! Забудем всё, ну? Пошли, поздравьте меня, быстренько, девки, ну? У меня сын родился, сын у меня сегодня родился, слышите?! Такая радость! Ну, пошли на кухню!

ИННА. *(сидит на диване.)* Да чтоб ты провалился со своим сыном! Дубина стоеросовая! Сын у него родился! А мы радоваться должны! До потолка должны прыгать! Радостей полные штаны! Плодится тут, как кошка какая, одного за другим таскает, а мы радоваться должны! А он - одного за другим, одного за другим...

МИХАИЛ. Ну, ладно, не ори. Пошли на кухню, у меня пузырёк есть...

Подталкивает Инну в коридор.

ИННА. Не трогай меня! Носится тут со своим пузырьём! Да у меня, если хочешь знать, свой пузырь есть! *(Достала из сумки бутылку, поцеловала её.)* Никому не налью, суки! *(Рыдает.)* Сама напьюся! Блевать буду, валяться буду, в лоскут пьяная напьюся, а вам не налью, свиньи полосатые! Козлы, говядина! Не налью! Сын у него родился! Сын у него... А у меня никого нет!!! Нету и не будет!!! Слышишь ты меня?! Никого!!!!

Прошла в комнату Алексея, села на кровать, рыдает.

МИХАИЛ. *(подошёл к Ольге, гладит её по плечу.)* Ну, ты-то хоть мне не отказывай, а? Поздравь, такое дело, ну? Такое дело, а?

ОЛЬГА. *(тихо.)* Если у меня будет ребёнок - я его задушу... Сама задушу... Возьму и задушу пальчиками... Задушу, задушу...

МИХАИЛ. *(шепчет.)* Нет, не будет, не волнуйся... Я всё аккуратно делаю... Я знаю, как, меня мужики научили, не будет, не бойся, Оля, не будет... Ну, пошли? Посидим на кухоньке?

ОЛЬГА. Может, сейчас начнётся, а? Пора уже, а?

МИХАИЛ. Чего начнётся?

ОЛЬГА. Землетрясение?

МИХАИЛ. Ну, веришь каждому слову! На работе сегодня мужики сказали: враньё. Не будет никакой катастрофы. Наговорили, наговорили: и звёзды с неба упадут, и моря из берегов выйдут, и дождь, и потоп, и град будто... Враньё! Ничего не будет. Чему быть-то, если нечему быть? *(Смеётся.)* Да я и сразу не верил, Оля... Неправда всё... Все болтали, ну и я тоже... Разговор поддержать. А то скучно. Ну, Оля, будем жить, как жили, ага? Ну, Оля, Олечка моя...

ОЛЬГА. Нет, нет... Вот-вот должно начаться... Вот-вот... Вот-вот...

МИХАИЛ. Да ты не думай, Оля, не думай! Если уж я обещал колготок купить, то куплю обязательно! Куплю! Считай, что в кармане они у тебя! Это без разговоров даже, слышишь, Оля! Даже можешь и не расстраиваться!

ОЛЬГА. Вот-вот начнётся... Иначе нельзя... Вот-вот начнётся...

МИХАИЛ. Ну ты меня поздравляешь или нет, Оля? Сын у меня, сын! Большой родился! На меня, говорят, похож! Ну, Оля? Ты рада за меня или нет? Сын, Оля! Ну, не хочешь на кухню, пойдём тогда в твою комнатку, к тебе пойдём, пошли, Оленька... Свечку поставим, красиво будет, а?

ОЛЬГА. Почему от меня Бог ушёл? Почему он отвернулся от меня? Что я сделала такого, в чём я виновата? Почему он ушёл, кто мне скажет?

МИХАИЛ. Ну, ладно, ладно, пойдём уже... А то заболтала, замолола... Ладно, не придуривайся, давай, пошли, пошли, пошли...

ОЛЬГА. Почему от меня Бог ушёл? Почему ушёл?

МИХАИЛ. *(упал на колени, целует Ольге ноги.)* Ну, Оленька, ну, пойдём туда, в твою комнатку... Пойдём, радость моя, пошли скорее, миленький мой, пошли, Олечка... Я тебя люблю, Олечка, люблю... Я тебя люблю... Никто тебя не будет так любить, пойдём быстренько, пойдём...

Инна сидит на кровати Алексея. Пьёт из горлышка бутылки, целует подушку, рыдает, поёт горестно, во всю глотку:

«Там вдали за рекой уж погасли огни-и-и!
В небе ясном заря догорала-а-а!
Уж не сотня бойцов!
Из будённовских войск!
Из разведки домой возвращалась!!!...»

МИХАИЛ. *(плачет.)* Пойдём, Оленька, пойдём, прошу тебя, пойдём, пойдём...

Ольга смотрит на Михаила. Отталкивает его. Выскакивает на балкон. Принимается что-то нечленораздельно кричать, вопить истошно, вцепившись в перила руками:

ОЛЬГА. Бо-о-о-ог!!!! Бо-ог!!!! Приди ко мне, Бо-ог!!! Приди ко мне, Господи-и-и-и!!!!
Бо-ог!!! Бо-ог!!! Приди ко мне, Бооооооо!!!!

Летит над ночным, туманным городом её тоскливый вой. Она орёт и орёт, словно сошла с ума. Орёт, словно раненая корова... И тут...

НАЧАЛОСЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ.

*ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС*

КОНЕЦ

*г. Свердловск
сентябрь 1989 год*